M 105
333

К105-333

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Д. РЯЗАНОВ.

Международный пролетариат и война.

СБОРНИК СТАТЕЙ

1914—1916 г.

GK
P99

Государственное Издательство.
МОСКВА.—1919.

К 105 333

Д. РЯЗАНОВ.

Международный пролетариат и война.

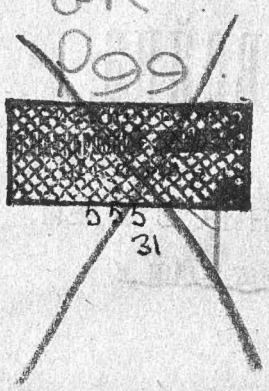
СБОРНИК СТАТЕЙ

1914—1916 г.

Отдел печати Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.
МОСКВА—1919.

537/4

GK
999
575
31



ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
561553

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В этом издании собрана часть статей, которые были опубликованы мною, под различными псевдонимами (Буквоед, Читатель, Досужий, Экономист и др.), в парижском органе интернационастов „Наше Слово“ 1915—1916 г. г. Переиздаются только те статьи, которые, по мнению автора, сохраняют и теперь еще интерес—потому, что дают новые данные для истории кризиса международной социал-демократии, или потому, что, как например, статьи против Чернова-Гарденина, представляют собою самостоятельные очерки из истории Интернационала.

Отказ от всяких попыток связать дело пролетариата с „победой“ или „поражением“, „спекуляция“ только на международную социальную революцию, социализм—не как конечная цель, а как злоба дня, насущный вопрос современности, последовательная борьба с империалистами всех стран и в первую голову борьба со своей собственной буржуазией и собственным оппортунизмом—вот основные тезисы, которые я проводил в своих статьях и считаю до сих пор безусловно правильными.

Попытка решить на свой национальный риск и страх задачи социальной революции, создать в одной стране „социалистический оазис“, хотя бы на короткое время, является безнадежной утопией и осуждает ее в области международной политики на роль, хотя бы и непокорного, но все же объекта. Только международная революция может восполнить диспропорцию, существующую между

колоссальными задачами социальной революции и социальным базисом, который она находит в России.

Я потому и выступил решительным противником Брестского мира, что считал его политическим актом, который должен был задержать неизбежный взрыв международной революции и ослабить пропагандистскую роль октябрьской революции, толкая ее на путь компромиссов.

История устранила этот пункт разногласия. Международная революция началась. Пролетарская Россия имеет теперь союзников в пролетарской Венгрии. В Германии и Австрии политика шейдемановцев осуждена на неизбежное фиаско. Победа коммунистической революции в Средней Европе создаст наиболее благоприятные условия для взрыва революции в странах Согласия, в стане „победителей". Тем важнее для нас всеми силами укреплять завоевания октябрьской революции и всемерно избегать всего, что могло бы ослабить ее международную пропагандистскую роль.

Апрель 1919 г.

Победа или поражение?

I.

Лозунг „да будет победа“, который теперь в разных вариациях выдвигается Плехановым и др., по существу мало чем отличается от лозунга „должны победить“ Меньшикова и Струве. Но и лозунг „для нас, социал-демократов, наименьшее зло—пораженіе Россіи“, даже в его наиболее приличной форме, „пораженіе русского царизма“, является социал-демократическим лозунгом так же мало, как и „гром победы раздавайся“. Как лозунг, определяющий нашу политику в ходе этой войны, он уже потому не пригоден, что это лозунг, под которым прусский и австро-венгерский феодальный абсолютизм двинули миллионы немецких пролетариев во имя интересов такой же беззастенчиво-хищнической политики, как и политика русского царизма, что это лозунг, под которым некоторые русские тоже социал-демократы и социалисты-революционеры теперь, на деньги Габсбургов и Гогенцоллернов, продолжают свою тоже революционную деятельность.

Борьба с русской реакцией была и остается одной из ближайших задач российской социал-демократии. Но она вела и ведет ее методами, которые исключают всякую возможность затемнения классового сознания пролетариата. Поражения правящей реакции мы ожидали и ждем, как результата внутренней гражданской войны, как результата классовой борьбы пролетариата. В этой борьбе он никогда не отказывался и не откажется использовать одинаково все шансы, доставляемые ему параллельной борьбой других классов внутри России, и все шансы, доставляемые ему новыми авантюрами царизма в области внешней политики. Но так же мало, как он солидаризируется со случайными попутчиками и союзниками внутри России, так же мало он может,

хотя бы на минуту, солидаризироваться с такими случайными союзниками и попутчиками вне России.

Только в одном случае могло бы быть оправдано такое сотрудничество: если бы в Западной Европе, вместо войны между народами, теперь происходила война народов против их внутренних угнетателей, и теперешние враги, господствующие классы Франции, Англии, Германии и Австрии искали бы поддержки у господствующих классов России. Только в этом случае отказ от «государственной измены» был бы изменой делу социальной революции.

В условиях же современной войны, не гражданской, но внешней, не «социалистической», а империалистической, лозунг «да будет поражение»—это тот же националистический лозунг, что и «да будет победа». Пусть Плеханов себя тешит мыслью, что поражение Германии это—победа не России, а Франции и Англии, культуры и цивилизации, но она несомненно приведет к победе империализма и милитаризма, против которых Франция и Англия теперь якобы ведут войну. Пусть Парвус, немецкие и австрийские социалисты утверждают, что поражение Франции и Англии—неизбежное, хотя и печальное следствие поражение России, что оно необходимо в интересах уничтожения главного «очага европейской реакции», русского царизма, но победа юнкертизма, против которого они якобы ведут войну.

В результате и той, и другой «победы»—торжество классовых противников социализма, и через несколько лет новая война под фирмой «освобождения родины», «защиты классической страны социализма» или «восстановления порядка». В результате и той, и другой «победы»—усиление русского царизма. Если, в союзе с Францией и Англией, победит Россия, то победоносный русский царизм, в своей борьбе против «внутреннего врага», будет так же мало считаться с «общественным мнением» Франции и Англии, как и до войны. Наоборот: именно в нем найдут поддержку—на началах взаимности—все реакционные элементы, которые и теперь с трудом скрывают свои аппетиты во Франции, да и в Англии. Если в союзе с Австро-Венгрией и Турцией победит Германия, то победоносный немецкий милитаризм, империализм тоже, первым делом, во имя интересов «порядка», сейчас же заключит союз с царизмом, чтобы противопоставить «гидре революции» новый священный союз. Для победоносной Германии русский царизм, хотя бы и побежденный на поле брани, еще более желанный союзник, чем турецкий.

Кто желает «победы» Германии или России, ибо «есть нечто худшее, чем война или поражение», тот должен взять на себя ответственность за всю политику немецкого милитаризма или русского царизма до и во время этой войны, тот должен взять на себя обязанность следовать за действительными виновниками и руководителями этой войны до самого конца.

На пустые фразы о грядущем экономическом порабощении России в случае победы Германии, о превращении ее в германскую колонию, немецкие Зюдекумы могут с таким же основанием отвечать не менее пустыми фразами о грозящей им в случае победы России, а следовательно и Англии, потере не только экономической, но и политической независимости.

С точки зрения интересов международного пролетариата, а тем самым и русского, и французского, и немецкого и т. д.,—а другого критерия у нас социал-демократов нет и не может быть—и «победа», и «поражение» одинаково означают торжество империализма, торжество капитализма, торжество национализма.

Всуе программы писать, в которых мы заявляем, что мы—часть международной социал-демократии, выполняющая общую работу, хотя и в особенных политических рамках, если мы думаем, что необходимым условием нашего процветания является «победа» одной страны над другой, пожирание одной части международного пролетариата другою. При таких условиях социал-демократический интернационализм прикрывает все тот же голый национальный эгоизм, которым руководятся господствующие классы.

Превращать эту войну в продолжение и дополнение нашей войны, которую мы до сих пор вели,—правда, плохо вели—вместе с другими социал-демократическими партиями против международного капитализма, делать из войны, которую марксизм предсказывал, как необходимый результат империалистической политики всех капиталистических государств, в которой социал-демократы участвуют против своей воли, как солдаты буржуазных государств, войну, в которой они действуют, как солдаты социалистической армии под красным знаменем международной социал-демократии, подставлять вместо целей, преследуемых в действительности господствующими классами, свои социал-демократические цели и помогать им разыгрывать фарисейскую игру «оборонительной войны»—значит отрекаться от своей программы, значит добровольно отказываться от испол-

пения этой войны в интересах всего пролетариата, в интересах социализма, чтобы использовать ее в интересах одной его национальной части, чтобы разделить выгоды победы с своей буржуазией, с своими хозяевами.

Социал-демократия оказалась недостаточно подготовленной, у нее не хватило сил, чтобы превратить эту войну в непосредственный пролог социальной революции, чтобы превратить ее из войны народов между собою в международную войну пролетариата с буржуазией. Но из этого еще не следует, что ей ничего не остается, как присоединиться к торжеству победителей или справлять литературный «пир во время чумы». У нее имеются определенные задачи и во время войны.

II.

Если бы печальная действительность не доказала нам, как мало развито сознание своих международных обязанностей даже среди передовых слоев пролетариата, как поверхностен интернационализм даже тей партий, которые называют себя «частью Интернационала», то можно было бы надеяться, что социал-демократические партии всех втянутых в войну стран, в ожидании того момента, когда можно будет развернуть широкую агитацию в пользу мира, с своей стороны уже с самого начала войны употреблять все усилия, чтобы вести борьбу против всего, что может нанести ущерб международной организации пролетариата и задержать развитие его классового самосознания. А лучшим средством для этого является борьба не только со всяким шовинизмом, но и со всякой национал-истической идеологией.

Никогда еще так ясно не вскрывалась буржуазная сущность национальной борьбы, как во время этой войны. Если сотрудничество буржуазии и пролетариата в рамках «единой и нераздельной нации» могло так быстро осуществиться, то только благодаря господству той идеологии, которая, во имя обеспечения своей нации условий свободного развития ее «национальной сущности», готова не только мириться с лишение других наций того же «священного» права, но, во имя фетиша «победы», беспощадно растоптать чуждую ей «национальную сущность». Пока «нация», «борьба наций» являются для социал-демократов такими же определенными постулатами, как «пролетариат», борьба классов», пока «обеспечение условий сво-

бодного развития национальных способностей» выдвигается, как более важная задача, чем «обеспечение условий свободного развития классовой борьбы пролетариата», господствующие классы всегда найдут возможность натравить пролетариат одной нации на пролетариат другой.

Всякое отступление от единственного для нас решающего критерия — «интересы международного пролетариата» — всякая попытка заменить его или дополнить критерием «интересов наций» будет неизменно осуждать социал-демократов на роль вольных или невольных пособников буржуазии. Всякое умаление классовых требований пролетариата, с целью не портить «всеобщего» согласия, является изменой не только делу пролетариата, но и интересам общественного развития.

Буржуазные межеумки, старающиеся до этой войны — в рядах ли нашей партии, или вне ее — навязать нам в той или другой форме «сотрудничество классов» или борьбу за «национальное лицо», теперь со злорадством кричат о смерти марксизма, о крушении социал-демократии.

В действительности же, наоборот, умер и умер навсегда, как течение в рядах социал-демократии, ревизионизм, оппортунизм.

Размежевание между революционной социал-демократией и желтой так же необходимо и неизбежно, как размежевание между социал-демократическими профессиональными союзами и желтыми. Лучше откровенный национальный эгоизм английской или австрийской рабочей партии, чем социал-демократическое фарисейство.

Новый интернационал может возродиться только на почве принципов революционной социал-демократии. Старое противопоставление конечной цели и «движения», одинаково беспочвенное и в его «радикальной», и его оппортунистической форме, придется теперь окончательно бросить.

Социализм не как «конечная цель», которая маячит где-то там, за далью капиталистической непогоды, а как основная задача настоящего — вот программа нового, третьего интернационала. Именно потому, что противоречия существующего строя могут найти и теперь свое окончательное решение только в социализме, новый интернационал сделает его исходным пунктом своей непосредственной революционной борьбы, центром тяжести своей пропаганды и агитации.

Социальная революция или новая, еще более жестокая война, борьба на жизнь и смерть международного пролетариата с международным капиталом или борьба на жизнь и смерть, во имя интересов этого капитала, между различными частями этого пролетариата—вот дилемма, поставленная этой войной пред новым интернационалом. И она же подготовляет наиболее благоприятные условия для этой революционной работы.

История мало считается с нашими желаниями, но ход войны показывает, что она, всего вероятнее, закончится так, как это всего желательнее и с точки зрения интересов международного пролетариата, то-есть, «в ничью».

Пусть этот «бессмысленный» исход пугает инициаторов этой войны. Но на деле только такой исход, и именно своей «бессмысленностью», означает решительное поражение современного буржуазно-национального государства и приближает решительную победу международно социалистического общества.

Это не значит, однако, что мы не должны уже теперь вести агитацию в пользу немедленного заключения мира. Наоборот. В этой агитации, лежащей в одной линии с наиболее желательным для нас исходом этой войны—никаких аннексий, никакого военного вознаграждения—заключается единственное средство уже теперь заложить первую основу для того, чего больше всего недоставало второму интернационалу—для общей международной действенной политики пролетариата.

Опыт русско-японской войны показал, что такая агитация против войны создает лучшие условия для агитации и пропаганды сейчас же после заключения мира. Война с войной—как в Государственной Думе, так и вне ее—остается лозунгом нашей теперешней практики.

Не бессмысленная инсурекция против войны, прибавляющая только новую бессмыслицу к бессмыслицам свирепствующей войны, а создание новых и укрепление старых кадров социал-демократической армии, в которые могли бы войти сотни тысяч пролетариев, которые вернутся с поля сражения! Бессильные теперь, когда они разбросаны в бесчисленных траншеях и растворены в рядах нашего крестьянства, они превратятся в грозную силу, когда они опять об'единятся в рядах партии, которая одна только может положить конец господству российской реакции.

Ноябрь 1914 г.

Русские Барбесы и французские Бонапарты.

Лет шестьдесят тому назад культурная Европа тоже воевала во «имя свободы против восточных гуннов, против грубой военщины». Только роли были несколько иначе распределены. Принцип «свободы» представлял Наполеон, за несколько лет пред этим расстреливавший на улицах Парижа французских рабочих и ссылавший их тысячами в различные тропические Сибири, и Альбион, который только что справился с чартистским движением и совсем недавно собирался разгромить маленькую Грецию за отказ платить по заведомо фальшивым векселям. Принцип тьмы представлял Николай, не только за страх, но и за совесть игравший роль европейского жандарма. Как всегда, войны не хотели ни те, ни другие. Наоборот, трудно себе представить большее идейное согласие по вопросу о борьбе с революцией. Но, как и всегда, материальные интересы оказались сильнее, своя рубашка ближе к телу и, как любые биржевые дельцы, готовые солидарно перевешать всех «смутьянов», они передрались во имя государственных интересов.

А раз началась война, необходимо было «воодушевить» народ. Николай защищал веру. «С нами Бог и т. д.». Наполеон маленький вспомнил о словах Наполеона Великого: «Через пятьдесят лет Европа будет республиканской или казацкой», и дал волю своей продажной прессе расшибаться во имя свободы. Не отставал и Альбион. Там тоже вспомнили о всех прегрешениях повелителя великой азиатской державы.

Правда, консерваторы и реакционеры оплакивали печальное недоразумение, приведшее к войне, и слепое упрямство Николая. Но именно их опасения делали войну популярной среди масс. Многие

революционеры в надежде, что исход войны приведет к последствиям, не желательным для ее авторов, и таким образом даст новый толчок революционному движению, приветствовали ее, как прогрессивное явление. В особенности это течение захватило знаменитого Баярда французской революции, Барбеса.

Из тюрьмы, в которой он тогда наслаждался всеми прелестями европейской цивилизации, он написал Жорж Занд письмо, в котором совершал акт патриотического принятия войны. Поражение Франции в войне с Россией было бы крушением демократии, поэтому ослабление военного духа французской нации было бы чревато опасностями в будущем. Армия—это народ, и во что бы превратился этот народ, если бы он боялся пушек. Да и сами революционеры, если бы они были у власти, позволили бы русским захватить Константинополь? Jamais!

Добрые люди сообщили это письмо благородного, но всегда отличавшегося некоторым тяжелодумием, Барбеса, его тюремщику, Наполеону. Нашему Баярду—это отличает его от русских Барбесов—конечно, и в голову не приходило, что из его письма сделают такое употребление. Представьте же себе теперь его удивление, когда в один прекрасный день двери его камеры раскрываются и начальник тюрьмы с сияющим лицом сообщает ему, что его величество, император соблаговолил его помиловать и что ему, поэтому, вольно сейчас же оставить тюрьму. Оказалось, что Наполеон, поспешивший опубликовать письмо Барбеса, доказывавшего, что ни один революционер не должен препятствовать этой войне, в своем великодушии решил вознаградить «Баярда революции» за неожиданную помощь. История умалчивает, понадобилось ли при этом вмешательство каких-нибудь Амфитеатровых, мы не знаем также, хлопотал ли об освобождении Барбеса английский посланник, или замолвил за него словечко член английского кабинета Гладстон, у которого всегда было открыто сердце для благородных влечений, если они не приходили в конфликт с «государственными интересами».

Наполеон, однако, ошибся. Привыкший все оценивать на чистоган, окруженный профессиональными сводниками и продажными душонками, он думал, что Барбес не спроста написал свое письмо и, поэтому, решил за услугу заплатить. Но нам «Баярд революции» был сделан из другого материала. Не имея никакой возможности вернуться назад в тюрьму, он предпочел наполеоновской подачке добровольное изгна-

ние и эмигрировал в Бельгию, а затем в Голландию, где умер 26 июня 1870 г., не дождавшись падения второй империи. Рыцарь без страха и упрека остался себе верен, но его политический авторитет был навсегда убит.

Конечно, Бурцев не Барбес, но скажет ли он Амфитеатрову спасибо за его хлопоты, если они, паче чаяния, увенчаются успехом?

Апрель 1915 г

Маркс и Энгельс, как шовинисты.

(Новое открытие Ю. Гарденина).

I.

Интернационализм немецкой социал-демократии не выдержал испытания. Она оказалась в плену у национальной идеологии. Ее упрекают в измене Интернационалу, ее обвиняют в забвении принципов Маркса и Энгельса. В этом сходятся одинаково Плеханов и Вальян, которые, каждый на свой лад, доказывают, что немецкие социал-демократы забыли основные положения «Коммунистического манифеста», забыли клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Правда, ни один из них не вспомнил, что, стремясь к победе Франции, Англии и России, он тем самым желает поражения Германии и Австрии, что русский или французский пролетариат может в этой войне выиграть только за счет немецкого или австрийского пролетариата, что ни одна часть Интернационала не имеет право считать себя избранной частью или всем Интернационалом, что интернационалист в этой войне—если еще может итти речь о другом желании, кроме желания, чтобы эта международная резня как можно скорее прекратилась—может желать победы только всему международному пролетариату против всего международного капитала. Правда, каждый из них доказал, что для него «Коммунистический Манифест» оказался забытой книгой.

Но никто из всех нападавших на немецкую социал-демократию до сих пор не догадался искать корней ее «измены» в самом «Коммунистическом Манифесте», никому до сих пор не пришло в голову искать виноватого в авторе «Гражданской войны во Франции». На-

оборот, все противопоставляют поведение Маркса и Энгельса, Бебеля и Либкнехта поведению их современных приверженцев.

И вот, против этого «установившегося мнения» выступает в «Мысли» Ю. Гарденин. Он «посмотрел в корень» и пришел к выводу, что «разыгравшееся на наших глазах полное банкротство интернационализма немецких учеников не стоит изолированно, что оно своими корнями уходит во взгляды их «учителей» [1]).

Доказательство он нашел в недавно изданной переписке Маркса и Энгельса, особенно в той части ее, которая касается франко-прусской войны. Так как выставленные Ю. Гарденином положения не только на первый взгляд являются «совершенно невероятными»— Ю. Гарденин сам опасается, что их могут об'явить «злостной клеветой на первооснователей научного социализма»—то мы формулируем тезисы Ю. Гарденина его собственными словами»:

«Первое, что нам приходится установить—это тот факт, что в этой войне Маркс и Энгельс занимали позицию, которая менее всего может быть названа беспристрастной. А именно: 1) вопреки истинному положению вещей, они упорно считали виновницей войны и нападающей стороной Францию, а не Германию; 2) они совершенно определенно желали победы Германии; 3) они охотно обосновывали теоретически желательность этой победы «под углом зрения пролетариата»; 4) менее всего брали они в дальнейшем столкновении сторону Французской республики, которую они совершенно не хотели брать всерьез и третировали en canaille; 5) оппозиция их отторжению Эльзас-Лотарингии была в большей степени платонической и спокойной, а отнюдь не «ожесточенной» и, наконец, 6) к самым проектам провозглашения парижской коммуны и т. п. революционным методам выступлений они относились в высшей степени отрицательно, — пока они не воплотились в жизни и не вписали в историю одну из самых блестящих страниц классовой борьбы пролетариата».

И почему все эти преступления Маркса и Энгельса до сих пор оставались неизвестными? Да просто потому, что «в своих опубликованных сочинениях Маркс и Энгельс не высказывались так же откровенно, как в таившейся под спудом частной переписке». Хуже того. «Они находили нужным прямо скрывать некоторые из своих

---

[1]) Гарденин, Ю. Неожиданное откровение. „Мысль“ № 13.

мнений». К счастью, Бебель и Бернштейн, в своей простоте, не заметили, что они выдают своих «учителей» головою, и теперь Ю. Гарденин может их всенародно уличить, не рискуя оказаться «злостным клеветником», как многие из его предшественников в деле посрамления Маркса и Энгельса.

II.

Прежде, чем мы перейдем к изложению действительных взглядов Маркса и Энгельса на франко-прусскую войну и их отношения к Коммуне, мы должны посвятить несколько слов приемам Ю. Гарденина.

Его метод давно известен. Выдернуть несколько цитат из контекста, не обращая ни малейшего внимания на «обстоятельства времени и места», в которых данное мнение было высказано, не останавливаясь пред искажением или «исправлением» текста—и начать жонглировать этими цитатами пред глазами читателя с такой быстротой, что даже друг-читатель, ослепленный этим калейдоскопом, в конце-концов скажет: не все же тут ловкость рук и обман!

Можно себе представить, какое раздолье открывается для такого цитатокопателя, когда он попадает на частную переписку двух близких друзей, сообщающих друг другу все свои заветные мысли, привыкших делиться друг с другом всеми соображениями и идеями, приходящими в голову под первым впечатлением свалившихся неожиданно событий. С каким торжеством выуживает этот, с позволения сказать, исследователь в частной переписке великого мыслителя идеи, которые не были еще переработаны в горниле беспощадной самокритики.

При таких благоприятных условиях можно было бы ожидать, что, хоть на этот раз, Ю. Гарденин откажется от соблазна corriger la fortune. Но, как увидим дальше, привычка—вторая натура.

В статье «Интернационализм на ущербе» [1]) Ю. Гарденин так цитирует Энгельса:

«Хочу надеяться, что люди опамятуются, очнувшись от первого удара, ибо иначе будет чертовски трудно иметь с ними какое-нибудь

---

[1]) „Мысль“ № 50.

интернациональное общение! Вся эта республика, как и ее безбоевое происхождение, доселе—чистейший фарс. Эти господа из временного правительства и парижские буржуа, повидимому, великолепно понимают и то, что «продолжение войны» есть не более, как фразистый оборот речи... Не очень вероятной кажется мне и партизанская война, которая вынудила бы прусские войска к массовым расстрелам, но которая кое-где под первым впечатлением революции может проявиться».

Эта цитата должна показать, что Маркс и Энгельс совершенно не хотели брать в серьез Французскую республику и третировали ее en canaille. Но как она скомпанована! За словами чистейший фарс (курсив принадлежит Ю. Гарденину) следует еще несколько строк, которые мы восстанавливаем:

«Вся эта республика, как и ее мирное происхождение, до сих пор чистый фарс. Как я уже две недели назад и еще раньше ожидал, орлеанисты хотят республики на время, которая заключила бы позорный мир так, чтобы эта тягота не пала на подлежащих позднее реставрации Орлеанов. Орлеанисты имеют в своих руках действительную власть: Трошю—военное командование и Кератри—полицию, господа левые получили лишь посты, на которых можно болтать (Schwatzposten). Так как Орлеаны теперь единственно возможная династия, то они могут спокойно ждать до более удобного времени, пока они действительно доберутся до власти».

Итак, республика, которую Энгельс третирует en canaille, временное правительство, которого он не хотел брать в серьез, была та самая республика, против которой поднял знамя восстания Бланки, против которой после восстал и парижский пролетариат! А Ю. Гарденин, выдернувший цитату из письма, написанного 7 сентября, ловким движением рук скрыл от читателя те слова Энгельса, которые дают цитате совершенно другой смысл. Единственным оправданием для него может служить только полное незнание истории третьей Французской республики!

Но Ю. Гарденин не только французскую историю плохо знает, он, несмотря на усердное чтение протоколов немецких конгрессов, до сих пор плохо знаком и с немецким языком! Чтобы взвести на Маркса и Энгельса облыжное обвинение, что они считали войну 1870 г. в такой же степени своей, в какой немецкие социал-демократы считают текущую войну, Гарденин опять цитирует или «по-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
561553

правляет». «Конечно, есть одна «досадная подробность», а именно «всегда нас будет несколько бламировать то обстоятельство, что мы ведем войну под знаменем Вильгельма».

В действительности же Энгельс пишет — и пишет 31 июля 1870 г., когда французы вели войну под знаменем Наполеона: — «Во всяком случае, нас все больше бламирует то обстоятельство, что мы ведем войну под знаменем Вильгельма. Хорошо, однако, что он себя делает страшно смешным с своей божественной миссией и своим Штибером [1]), без которого, как видно, и немецкое объединение не будет готово».

И Ю. Гарденин прибавляет с торжеством: «Маркс и Энгельс «по-своему и сами того не желая» работали «pour le roi de Prusse», явились игрушками и служили видам—Бисмарка!».

Но Ю. Гарденин может еще лучше. У него одна и та же цитата две службы служит,—в разных переводах! Чтобы доказать, что Маркс и Энгельс старались примирить французских рабочих с отторжением Эльзас-Лотарингии, он цитирует письмо Энгельса, писанное 12 сентября 1870 г., уже после того, как Интернационал, а следовательно и Маркс, и немецкие социал-демократы, самым решительным образом, протестовали против предполагаемого отторжения Эльзас-Лотарингии. Энгельс, который, как мы после увидим, более скептически, чем Маркс, смотрел на возможность успешной волонтерской войны во Франции, пишет: «Если рабочие победят теперь,—на службе делу национальной обороны,—то они вступят в наследство Бонапарта и теперешней буржуазной республики, будут без всякой пользы побиты немецкой армией и отброшены опять на двадцать лет. При выжидании же сами они ничего не теряют. Возможное перераспределение границ и без того носит только переходящий характер».

Теперь пусть читатель сравнит, что делает с этой цитатой Ю. Гарденин сначала в статье «Интернационализм на ущербе» [1]), а затем в статье «Прямые и кривые пути» [2]).

Ю. Гарденин негодует на Маркса, который собирался помешать «французской секции Интернационала» в Лондоне, стремившейся в Париж «делать там всякие глупости» от имени Интернационала.

---

[1]) Начальник тайной полиции.
[2]) „Мысль“, № 50.
[3]) „Мысль“, № 53.

Следует цитата, которая должна показать, что Маркс «тормозил все живые начинания и вставлял палки в колеса всякой смелой революционной инициативе».

Но знает ли Ю. Гарденин, какую роль играла эта секция? Знает ли он, что собой представлял Феликс Пиа, которого она собиралась назначить французским посланником в Лондоне? Рекомендуем ему прочесть любую—не полицейскую—историю Коммуны. Чтобы облегчить ему эту работу, напоминаю ему об истории Коммуны П. Лаврова, в которой он найдет следующие строки:

«Феликс Пиа, шатаясь между верной идеей и своей литературной эпилепсией, становился практичным лишь тогда, когда дело шло о собственной безопасности». И в примечании Лавров прибавляет цитату Лиссагаре: «Он предлагал почетное ружье тому, кто убьет короля прусского, и поддерживал изобретение греческого огня, который должен был сжарить немецкую армию» [3]).

«На языке Ю. Гарденина это называется «живым начинанием» и «смелой революционной инициативой!».

Козьма Прутков, которого так любит цитировать Ю. Гарденин, в своих «Плодах раздумья», справедливо замечает:

«Рассуждай токмо о том, о чем понятия тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка прокесского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?».

Не имея ни малейшего понятия об истории Интернационала, Коммуны, Франции, Германии и т. д., можно ли выступать с суждениями о Марксе и Энгельсе, да еще с нарочитою целью доказать, что они делали дело Гогенцоллернов и Бисмарка?

Можно ли до такой степени компрометировать или дламировать «этический» социализм?

III.

«До сих пор думали,—пишет Маркс,—что христианское мифотворчество могло процветать в эпоху Римской империи только потому, что тогда не было изобретено еще книгопечатание. Как раз наоборот». Современная война лишний раз показала, во сколько

[1]) Лавров, В., 18 марта 1871 г., стр. 47.

раз интенсивнее процесс мифотворчества, когда к услугам современных мифотворцев явились печать и телеграф.

Не успел еще Гарденин закончить свои «исторические изыскания», как за ним уже ковыляет Камков и уверяет все тех же все выносящих читателей «Мысли», что Маркс и Энгельс так же патриотически «приняли» войну 1870—71 г г., как Плеханов и Рошин,—или как Рубанович на Лондонской конференции—современную войну. А сам Гарденин, взобравшись на вершины исторической теологии, теперь считает уже «неопровержимо доказанным»—c'est mon opinion, et je la partage,—что именно Маркс и Энгельс повинны в том «первородном грехе», откуда есть-пошли все прегрешения теперешней немецкой социал-демократии. С каждым новым открытием он приходит в все больший раж и теперь уже заявляет, что Либкнехт собирался даже бежать в Америку,—так сильно преследовали его Маркс и Энгельс, за протест против франко-прусской войны [1]).

Мы уже показали в первой статье, каким методом пользуется Гарденин и как основательны его познания в области немецкого языка. Не имея ни возможности, ни желания разобрать критически все исторические упражнения нашего русского Фохта, мы решили его «мифам» противопоставить, на основании той же переписки и других всем доступных материалов, изложение «того, что было». Но прежде, чем мы перейдем к выполнению этой задачи, мы считаем нужным представить нашим читателям новый образчик гарденинской «проницательности».

В письме 12 августа 1870 г. Маркс пишет Энгельсу: «Вместе с этим письмом посылаю тебе массу вздора (Masse Zeug), который ты, по прочтении, пришлешь мне с твоими замечаниями и мнением». И уже в письме от 15 августа Энгельс ему отвечает: «Когда у человека три дня сильно брюхо болит и его к тому еще трясет лихорадка, то, даже на пути к улучшению, ему вряд ли может доставить большое удовольствие подробно распространяться о политике Вильгельма. Но так как ты должен иметь назад этот хлам (den Kram), то да будет» [1]).

Гарденин «переводит» это место так:

---

1) Гарденин, Ю. Первородный грех. „Мысль", № 55.
2) Энгельс писал свои письма, мало заботясь о „приличиях".

«Распространяться о политике Вильгельма—удовольствие небольшое, но так как ты должен иметь дело с этой чепухой, то делать нечего!».

Чтобы показать, что он в области исторической критики так же силен, как в области немецкого языка, он прибавляет дальше: «Энгельс, видимо, отвечает на какое-то не сохранившееся письмо Маркса».

А ларчик просто открывается. Как секретарь Генерального Совета для Германии, Маркс получил от Браке и Бонгорста («некоего» Бонгорста, говорит Гарденин, которому остался неизвестным факт, что именно Бонгорст и Браке были «политическими друзьями» между собою и «политическими противниками» Либкнехта) письма по поводу конфликта между ними и Либкнехтом. Желая знать мнение Энгельса, он посылает ему всю эту «массу вздора», и Энгельс, по прочтении, отсылает ему назад весь этот Kram (хлам, ерунда).

Удивительно ли, что Гарденин так легко делает новые открытия! И еще легче творит новые легенды!

Несколько предварительных замечаний для обыкновенного читателя, которые, впрочем, не бесполезно будет знать и Ю. Гарденину.

Когда вспыхнула франко-прусская война, Энгельс жил еще в Манчестере. В политической жизни он не принимал никакого активного участия.

В описываемое время он был поглощен ликвидацией своих дел и приготовлениями к переезду в Лондон, куда он переехал после 16 сентября. Членом Генерального Совета Интернационала он был выбран всего лишь 4 октября, через несколько недель после избрания Лопатина. Напротив, Маркс был уже несколько лет влиятельнейшим членом генерального совета и его секретарем для Германии. Уже одно это обстоятельство обусловливало разницу в осведомленности.

Надо принять во внимание также и то обстоятельство, что Маркс и Энгельс не всегда во всем были согласны, и в том случае, когда они выступали сообща публично, это общее мнение являлось иногда результатом согласования различных концепций. Переписка Маркса и Энгельса, даже в том неудовлетворительном виде, в каком она издана, потому и представляет такой интерес, что дает возможность проследить на целом ряде вопросов, как, несмотря на солидарность в основной точке зрения, расходились часто взгляды Маркса и Энгельса и как часто, только в результате

продолжительного обмена мыслей, выкристаллизовывалось то, что нам теперь известно, как общее мнение Маркса и Энгельса.

Не надо забывать и того, на что я указывал уже в первой статье и что так упорно забывают всякие Цитовичи: мы имеем дело с частной перепиской, в которой близкие друзья делятся своими впечатлениями под влиянием «текущего момента», в которой не приходится искать, поэтому, окончательно установившегося мнения или убеждения по какому-либо вопросу. В особенности это относится к Энгельсу. Тем комичнее является Ю. Гарденин, который то и дело заставляет Энгельса обращаться к французским пролетариям, чтобы сейчас же с торжеством указать, как мало убедительна логика Энгельса для этих французских пролетариев!

Чтобы судить о действительных взглядах Маркса и Энгельса, поскольку они являются политическими актами, за которые они должны нести «перед судом истории» политическую ответственность, необходимо обращаться к их публичным заявлениям или письмам, которые они писали с целью оказать определенное политическое воздействие на других. Правда, и в этом случае нужно принять во внимание то, что сам Маркс называет «die brutale Sprache von Briefen». Это уже испокон веку так ведется, что страстные люди,—и их среди революционеров больше, чем среди правительственных и литературных прокуроров,—в своих письмах выражаются черезчур «брутально», до такой степени «брутально», что не только всякие тряпичные душонки возмущаются, но и сами авторы этих писем после сожалеют о таковой своей «брутальности». Наш легкомысленный Ю. Гарденин мог бы узнать у своего приятеля Чернова, как «ловко» использовал некий прокурор письма социалистов-революционеров, в которых они друг о друге отзывались, как это только могут делать люди, всей душой преданные делу, но забывающие, что их письма могут попасть к какому-нибудь охранному историку.

Вполне понятно, что мы и в письмах Энгельса и Маркса найдем раздражительные отзывы о Либкнехте. Правда и то, что оба друга не были особенно высокого мнения о многих его политических выступлениях и часто расходились с ним очень резко. Но оба они чрезвычайно высоко ценили Либкнехта, как политического деятеля, и мы могли бы привести из их частной переписки многочисленные свидетельства, убедительные даже для Ю. Гарденина.

Наоборот, чтобы иметь возможность разобраться в тех немногих письмах,—от 20 июля до 16 сентября 1870 г.,—в которых Маркс и Энгельс обменялись своими впечатлениями по поводу первой фазы франко-прусской войны [1]), надо знать, что Маркс и Энгельс были оба сильнейшим образом настроены против Либкнехта, который, начиная с Базельского конгресса Интернационала (сентябрь 1869), совершил, по их мнению, ряд грубейших ошибок. Так, в угоду южно-немецким демократам, он занял, в вопросе о коллективной земельной собственности, весьма двусмысленную позицию, в своем увлечении чисто политической борьбой, он, в вопросе о парламентаризме, стал на точку зрения анархистов, в своей подчас слепой вражде к Швейцеру и ненависти к Бисмарку, он ударялся в совершенно неприемлемые крайности. Если бы Ю. Гарденин не ленился чаще обращаться к немецко-русскому словарю и внимательнее прочитал бы письма Маркса и Энгельса, хотя бы за 1867—79 г.г., он нашел бы в этом смысле для себя много интересного и понял бы, почему Маркс и Энгельс так неодобрительно относились к тому, что они называли у Либкнехта «Prinzipienreiterei» и что заставляло его зачастую жертвовать интересами социальной политики в угоду требованиям политической агитации. Но Маркс и Энгельс ограничились только критикой в частных письмах к Либкнехту, а это приводило к тому, что не только вне Германии, но и в самой Германии создавалось впечатление, что Либкнехт действует солидарно с Марксом.

В таком же положении находились и те лассальянцы, которые, за несколько месяцев до франко-прусской войны, откололись от Швейцера и образовали, вместе с группой Либкнехта и Бебеля, Эйзенахскую партию. С Швейцером они разошлись, главным образом, по вопросу об организации партии и вошли в новую партию не только с определенным credo, сильно отличавшимся от credo Либкнехта с его австрофильскими симпатиями, но и с определенными социально-политическими тенденциями. О тех разногласиях, которые существовали среди «марксистов» между Либкнехтом и Бебелем, а также между Либкнехтом с одной стороны, Энгельсом и Марксом с другой,—они не имели почти никакого представления. Во всяком случае ясно, что такой крупный исторический

---

[1]) О чем Ю. Гарденин, мимоходом сказать, упорно забывает.

кризис, как франко-прусская война, вновь поставивший на очередь вопросах о методах немецкого объединения, разъединявший германскую демократию, не мог не вызвать крупного конфликта между бывшими лассальянцами и Либкнехтом.

15 июля французское правительство объявило Пруссии войну. На другой же день брауншвейгцы (так мы будем называть членов центрального комитета эйзенахцев) созвали собрание и, в принятой этим собранием резолюции, всю ответственность и «позор» взвалили на Бонапарта и депутатов французского народа, с преступным легкомыслием нарушивших мир Европы, и первой обязанностью немецкого народа—«обруганного, подвергшегося нападению»—провозгласили оборонительную войну.

Согласен ли был Маркс с этим взглядом, который, с самого начала, отказывался от всякой критики по отношению к правительству своей страны? Ответ на этот вопрос дает письмо Маркса от 20 июля 1870 г.

«Вместе с этим письмом посылаю письмо Кугельмана. Он прав в своей критике воззвания брауншвейгского собрания».

А что отвечает Энгельс? «Браво, Кугельман! Видно, что он не даром прошел чрез свою школу. Гипотеза совершенно в духе актеров и объясняет все. Но если она в действительности справедлива, то она уже переросла Бисмарку чрез голову. Этим господам удалось вызвать в Германии настоящую национальную войну».

Будем надеяться, что Рязанову или другой «архивной крысе» удастся найти это письмо Кугельмана, и мы тогда с достоверностью узнаем, в чем критика Кугельмана была, по мнению Маркса, права, во всяком случае Маркс и Энгельс, уже с самого начала, не стояли на политически наивной точке зрения брауншвейгцев.

Но в том же письме Маркс указывает нам на другой источник: «Генеральный Совет поручил мне вчера написать воззвание». Вчера—это 19 июля, воззвание подписано 23 июля.

Оно начинается цитатой из учредительного адреса Интернационала, в которой осуждается «внешняя политика, играющая на национальных предрассудках, преследующая преступные планы и растрачивающая кровь и достояние народа в разбойнических войнах», и внешняя политика Интернационала определяется, как политика, которая хочет, чтобы верховной нормой в отношениях между на-

родами служили те же простые законы нравственности и справедливости, которые регулируют отношения между частными лицами.

Далее следует обвинительный акт против Наполеона. Маркс дает сжатую картину его борьбы с Интернационалом, которая еще более усилилась после того, как французские секции Интернационала повели ожесточенную агитацию против нового плебисцита. Он кончает филиппику против Бонапарта следующим пророчеством:

«Как бы ни окончилась война Бонапарта с Пруссией, смертный час второй Империи в Париже уже прозвонил. Она кончится, как и началась, пародией».

Следует ли из этого, что виновен один только Наполеон? Нисколько.

«Не забудем, что именно правительства и господствующие классы Европы помогали Бонапарту в течение 18 лет разыгрывать позорный фарс реставрированной Империи».

В первую голову идет Германия.

«С немецкой стороны война является оборонительной. Но кто поставил Германию в необходимость обороняться? Кто вызвал в Бонапарте искушение напасть на Германию? Пруссия. Разве не с этим самым Бонапартом она конспирировала, чтобы у себя дома победить популярную оппозицию и аннексировать Германию к династии Гогенцоллернов? Если бы сражение при Садовой было проиграно, а не выиграно, то французские батальоны наводнили бы Германию, как союзники Пруссии. После победы думала ли Пруссия, хоть на одно мгновение, противопоставить порабощенной Франции свободную Германию? Совершенно напротив. В то время, как она тщательно сохранила все прирожденные прелести своего старого режима, она, в то же время, привила ему все характерные черты Второй Империи, ее действительный деспотизм и ее псевдо-демократизм, ее политические уловки и ее фиглансовые мошенничества, ее пустозвонные фразы и низкое фокусничество. Бонапартистский режим, который, до того времени, процветал лишь на одном берегу Рейна, получил теперь свой pendant на его другом берегу. Может ли что-нибудь другое быть следствием таких условий, кроме войны?».

А Ю. Гарденин хочет уверить нас, что Маркс, вопреки истинному положению вещей, упорно считал виновницей войны и нападающей стороной только Францию, а не Германию!

Конечно, мы теперь многое знаем, что Марксу и Энгельсу не было известно. Но именно, в отличие от «брауншвейгцев» и лассальянцев, Маркс и Энгельс уже тогда прекрасно понимали, что виновником войны является не только Наполеон, но и Бисмарк, дипломатическое искусство которого в том и состояло, что войну, которой он хотел не менее усердно, чем военная партия по ту сторону Рейна, он заставил объявить себе и таким образом наступательную войну Пруссии превратил в оборонительную войну Германии.

«Маркс и Энгельс настойчиво утверждали, что война 1870—71 гг. была со стороны Пруссии чисто оборонительной войной. Маркс даже отказался подписать один адрес против войны, пока в него не будет вставлена «фраза, которая хотя бы в самой сдержанной и дипломатической форме подчеркивала оборонительный характер со стороны немцев».

Ю. Гарденин осторожен. Он не имеет ни малейшего представления, о каком адресе идет речь, он даже не знает толком, кто является его автором. Но—привычка вторая натура—он и тут не мог удержаться, чтобы не поправить цитату.

Маркс пишет в действительности: «Я прочитал этот вздор—слабо, фразисто и, из любезности по отношению к французам, которые с ним ведут это дело, никакого даже намека на оборонительный характер войны со стороны немцев (я не говорю — ПРУССИИ»).

Конечно, для Гарденина, что немец, что прусс все едино. Марксовская диалектика для него всегда была книгой за семью печатями, и на этот раз он, вероятно, утаил конец цитаты, просто потому, что, в своей метафизической слепоте, не заметил его.

Мы считаем нужным все же успокоить Гарденина. Маркс подписал тот адрес, но так как он не мог подписать адреса, который говорил бы прямо противоположное тому, что он писал в адресе Интернационала, он настоял на том, чтобы к его имени сделано было примечание: поскольку взгляды, развитые в этом протесте, совпадали с адресом Интернационала. И представьте себе, о проницательный Гарденин, на таком же условии согласился его подписать и француз Talandier, большой приятель Герцена. Да и вообще адрес этот имел значение лишь постольку, поскольку он

являлся общим протестом французов и немцев против войны.

Конечно, если бы Маркс был так же смел, как хотя бы Рубанович, он, без всяких оговорок, подмахнул бы свое имя под адресом, который всю вину за преступную войну возлагал бы только на одну сторону. Но он, как известно, не дорос еще до понимания высоких этических идеалов, с точки зрения которых редакция «Мысли» нам так авторитетно заявляет:

«Можно—и нужно—предпочитать победу тройственного согласия победе двойственного союза. Можно при этом мириться с фактом, что участником этой победы будет царская Россия. Положение крайне сложно, и из двух зол приходится выбирать меньшее. Но дойти до того, чтобы эту победу выдавать за фактор, который сам по себе оздоровит нашу внутреннюю жизнь... это уже слишком. Надо же и стыд знать» [1]).

Надо же и стыд знать, скажем и мы Гарденину.

Положение было крайне сложно, а для немцев еще сложнее, и в 1870 г. Мы видели, как решил вопрос о том, кто прав и кто виноват, Маркс. Французская революционная демократия решила его большей частью так, как и Либкнехт, который еще до 19 июля 1870 г. был убежден, что войны хотел Наполеон и что Бисмарк, сняв кандидатуру Гогенцоллерна, самым позорным образом струсил. Именно в этом обстоятельстве Либкнехт и видел решительное осуждение всей политики Бисмарка, разорвавшей Германию на две части. А так как он преувеличивал оппозицию южно-немецких государств, то он опасался новой междоусобной войны в Германии, которая послужила бы на пользу только Франции и России. И о том, что Бисмарк отступил пред угрозами Наполеона, Либкнехт писал еще в своей газете 16 июня 1870 г. Лучшее доказательство, как ослепляла его ненависть к Бисмарку. Статья производит впечатление, как будто Либкнехт хочет провоцировать Бисмарка на войну.

Такая точка зрения вызвала конфликт с Бебелем, который, не отрицая исторической вины Бисмарка, как автора войны 1871 г., все же был уверен, что Бисмарк теперь, в 1870 г., далеко не так боится этой войны, как думал Либкнехт, а, наоборот, желает ее.

---

[1]) „Мысль“, № 45.

По словам Бебеля, этот конфликт был улажен только при помощи Гейбта, председателя контрольной комиссии, и с 20 июля «Volksstaat» занял другую позицию.

В передовице этого номера Либкнехт нападает на Наполеона не менее резко, чем брауншвейгцы. «Наши интересы требуют уничтожения Бонапарта. И наши интересы находятся в гармонии с интересами французского народа». Но он не ограничивается этим. Как Маркс в адресе Интернационала, он устанавливает и вину Пруссии, и вину Бисмарка, правда, при помощи других аргументов.

Поэтому, Либкнехт, еще накануне тогдашнего исторического заседания рейхстага, настаивал, что они должны вотировать против кредитов, так как обе стороны одинаково виновны. Но Бебель настоял на воздержании, ибо он опасался, что в Германии а она тогда далеко еще не совпадала с Северо-немецким союзом, в котором распоряжалась Пруссия — их вотум против займа будет понят, как вотум в пользу Наполеона.

Как отнесся Маркс, к этому акту? Неодобрительно?

Наоборот. В заседании Генерального совета (26 июня) он перевел декларацию Либкнехта и Бебеля, и «Volksstaat» мог уже через неделю сообщить с торжеством, что декларация встретила чрезвычайно одобрительный прием в генеральном совете.

Зато «брауншвейгцы» были возмущены и сейчас же ответили новым воззванием. В отличие от Либкнехта и Бебеля, они идеализировали войну и выражали надежду, что им удастся, путем содействия ей помочь рождению нового «социал-демократического народного государства», что эта война принесет им то, что «народу следует von Gottes-und Rechte wegen».

Только тогда конфликт между ними и Либкнехтом—Бебелем принял еще более резкие формы. Из мемуаров Бебеля видно, что, как раз после этого, Либкнехт писал о своем желании эмигрировать в Америку, пока этот «национальный пароксизм», захвативший и «брауншвейгцев», не пройдет.

Именно в это время последние обратились к Марксу, которому и пришлось взять на себя роль судьи. Что точка зрения «брауншвейгцев» для него была неприемлема, об этом нечего и говорить. Но он также мало мог согласиться и со всеми теми аргументами, которыми Либкнехт защищал свою тактику после того, как выяснился ряд обстоятельств, оставшихся неизвестными до 21 июля

1870 г. Оказалась, что война, объявленная Пруссии, после присоединения всех южно-немецких государств, превратилась в обще-германскую (за исключением, конечно, Австрии). Опубликование Бисмарком целого ряда документов, свидетельствовавших о притязании Наполеона на немецкие земли, вызвало взрыв «национального пароксизма» как раз в южно-немецких государствах. Сам Либкнехт, в Volksstaat'e, еще больше усилил свои нападки на Наполеона, но упорно продолжал подчеркивать различие между немецко-национальными интересами и династическими интересами Гогенцоллернов. И также упорно отказывался разделять оптимистические надежды, которые «брауншвейгцы» возлагали на победу над бонапартизмом.

Так вот, если мы обратимся теперь к письму Энгельса (15 августа 1870), в котором он сообщает Марксу, по просьбе последнего, свой мотивированный ответ на письмо «брауншвейгцев», мы увидим, что шесть тезисов, в которых он резюмирует свое мнение, по существу совпадают—с одним только исключением—с взглядами Либкнехта и Бебеля.

«Я думаю, что они (товарищи в Германии) могут: 1) Примкнуть к национальному движению, пока и поскольку оно ограничивается обороной Германии (что не исключает при известных условиях, до заключения мира, и наступления). 2) Подчеркивать при этом различие между немецки-национальными интересами и династически-прусскими. 3) Противодействовать аннексии Эльзаса и Лотарингии... 4) Как только в Париже у руля правления очутится республиканское правительство, а не чиновническое, настаивать на заключении почетного мира. 5) Все время выдвигать единство интересов немецких и французских рабочих, которые войны не желали и которые ее также не ведут. 6) Россия, как в интернациональном адресе» [1]).

Маркс выражает свое согласие с этими тезисами по существу и отвечает Энгельсу, что именно в этом духе он ответил «брауншвейгцам». К сожалению, и этот ответ остается нам неизвестным.

Но когда «брауншвейгцы» его получили, Вторая империя уже пала. А, вместе с провозглашением республики, исчезли и разногласия между «брауншвейгцами» и Либкнехтом и Бебелем. Всякая

---

[1]) В адресе 23 июля Маркс указал и на роль России во франко-прусской войне. Об этом после.

видимость «оборонительной» войны исчезла, и первая попытка «брауншвейгцев» подчеркнуть это обстоятельство и приветствовать республику кончилась, как известно, для них очень печально.

К истории этого «Манифеста» мы обратимся в следующей главе. Мы увидим тогда, в чем Маркс продолжал расходиться с Либкнехтом, не переставая в то же время одобрять его мужественный протест против войны.

IV.

Только в одном пункте Маркс не согласен с Либкнехтом. Но это разногласие, как мы уже указали прежде, старое, в достаточной степени выявившееся еще в период от 1866 до 1870 гг. И характерно для брауншвейгцев, что, в своем манифесте, для которого основой им служило письмо Маркса, они могли против Либкнехта использовать один его выпад, который они цитируют целиком:

«Настоящая война,—пишет нам товарищ,—открывает собой всемирно историческую эпоху именно потому, что Германия доказала, что, даже с исключением немецкой Австрии, она способна, независимо от «заграницы», итти своим собственным путем. Что она сначала обрела свое единство в прусской казарме, для нее является наказанием, которое она в полной мере заслужила. Но и в этом случае непосредственно достигается определенный результат. Мелкие пакости, как, например, конфликт между национально-либеральными северо-германцами и демократическими южно-германцами, не будут уже больше, без всякой пользы, заграждать дорогу. Условия будут развиваться в большем масштабе и упростятся. Если немецкий рабочий класс не будет при этом играть выпавшую ему на долю роль, то это будет его вина. Эта война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию. А вместе с этим на немецкий рабочий класс ложится более великая ответственность».

Из переписки Маркса мы знаем теперь, что он был возмущен дословной перепечаткой целого ряда мест из его частного письма. Почему?

Во-первых, наивные брауншвейгцы забыли разницу между частным письмом и оффициальным партийным документом, разницу, которую, в состоянии будет понять даже Гарденн, если

он сравнит свои частные письма с своими публичными статьями.

Во-вторых, брауншвейгцы забыли «обстоятельства времени и места» и указали в своем манифесте на его действительного автора, как выражается Маркс, «вилами». А если Гарденин даст себе труд припомнить, какую роль в процессе Либкнехта и Бебеля играло обвинение их в том, что они действовали под влиянием «заграничной агитации», что они были орудиями в руках «Интернационалки» и ее злого духа, Маркса, то, вероятно, даже он сообразил, почему Маркс был так недоволен тем обстоятельством, что брауншвейгцы вместо того, чтобы литературно обработать данные им указания, предпочли их опубликовать на «брутальном языке» частного письма.

А наивный Гарденин даже не понимает, почему Маркс был в особенности недоволен и тем, что брауншвейгцы в свой манифест включили его мысль о вероятном перемещении, в результате войны, центра тяжести рабочего движения из Франции в Германию! Единственное объяснение, которое находит наш пропитанный этикою революционный социалист, «как нельзя более просто»: Маркс и Энгельс, видите ли, «находили нужным прямо скрывать некоторые из своих мнений».

Бедный Гарденин, поменьше этики, побольше нравственной чуткости,—и вы найдете другое объяснение!

Если Вы знаете, какое место Маркс занимал уже тогда в международном рабочем движении, если Вы вспомните, что война разразилась как раз тогда, когда в Интернационале уже назревал раскол между «романо-славянскими» и «германскими» элементами,—Вы поймете, что Маркс считал крайне нетактичным в такой момент констатировать публично даже не пожелание, а только предположение, что центр тяжести европейского рабочего движения переместится из Франции в Германию. Тем более, что как он пишет Энгельсу, он писал об этом брауншвейгцам, чтобы их одушевить, чтобы, указанием на их большую историческую ответственность, побудить их сейчас же начать агитацию за почетный мир с Французской республикой и против отторжения Эльзас-Лотарингии. Он ведь знал, что имел дело с людьми, которые были увлечены потоком «национального пароксизма», и боялся, что, за требованиями «защиты отечества», они забудут свои интернациональные обязанности.

Правда, опасения оправдались. Как ни были чувствительны к вопросам «национальной» обороны французские члены Интернационала, только что пригласившие немцев убраться к себе, но за Рейн [1]), среди них не нашелся ни один умник, даже среди тех, которые по-немецки понимали лучше, чем Ю. Гарденин, который в мнении Маркса о вероятных последствиях этой войны для судеб европейского рабочего движения нашел бы «состав преступления. Опасения Маркса оказались напрасными. Честь этого «нежданного откровения» досталась на долю Ю. Гарденина! .

Зато оправдались его надежды на «воодушевляющее» действие его письма на брауншвейгцев. Мы советуем Ю. Гарденину прочитать в отчете о процессе Либкнехта-Бебеля следующее место из показаний Браке, автора брауншвейгского манифеста: .

«Лейпцигцы (Либкнехт и Бебель) имели о последней войне, которую мы ошибочно (faälschlich) считали оборонительной войной, другое мнение. Это вызвало конфликт, и, чтобы уладить его, мы считали себя в праве апеллировать к приговору человека, которого мы все ценили. Этот человек был Маркс. Его ответ пришел накануне падения Седана и убедил меня вполне».

В чем убедил? В том, что война со стороны Пруссии была по меньшей мере столь же наступательной, как и со стороны Франции — Франции Наполеона, а не республиканской Франции.

Именно, благодаря этому письму Маркса, брауншвейгцы помирились с Либкнехтом и начали ожесточенную агитацию против отторжения Эльзас-Лотарингии и за немедленный почетный мир с Французской республикой. Правда, они не свергли Гогенцоллернов, как этого требовали от них некоторые члены французской секции Интернационала в Лондоне, но ведь и французы «свергли» Наполеона только после того, как он очутился в плену у Гогенцоллернов!

Безграничное невежество Ю. Гарденина можно оценить, только прочитав второй манифест Интернационала по поводу войны, датированный 9 сентября. Все, что он с таким торжеством выкопал

---

[1]) Авось Ю. Гарденин хоть в этом случае поймет, как „шовинистически“ звучало в устах французских членов Интернационала это требование. А оно было подписано Вальяном!

«в таившейся под спудом частной переписке», пропечатано черным по белому в документе, который сейчас же был переведен и на французский язык.

Для русских читателей интересно будет узнать, что, в отличие от первого манифеста, второй подписан Марксом, не только в качестве секретаря генерального совета для Германии, но и для России. В заседании 6 сентября Марксом был предложен в члены генерального совета Лопатин.

Уже в первом манифесте Маркс сказал, что смертный час Второй империи пробил, что она кончится, как началась—пародией. Ссылкой на это пророчество начинается второй манифест.

«Если мы не обманывались насчет жизнеспособности Второй империи, то было ли неосновательно наше опасение, что немецкая война потеряет строго оборонительный характер и выродится в войну против французского народа? В действительности оборонительная война закончилась с самовыдачей Наполеона, капитуляцией Седана и объявлением республики в Париже. Но еще задолго до этих событий, с того момента, как выявилось невероятное гниение бонапартовской армии, прусская военная камарилья высказалась за политику завоевания».

Мы пропускаем критику немецкого либерализма, мы пропускаем также критику «материальных гарантий» прочного мира, сводившихся к необходимости расчленения французской республики. Только Гарденины могут требовать от Маркса и Энгельса, чтобы они начали свою ожесточенную борьбу против отторжения Эльзас-Лотарингии еще до франко-прусской войны. «Таившаяся под спудом частная переписка» показывает, однако, что эту борьбу они начали задолго до объявления Французской республики и раньше, чем кто-либо в Германии!

«Читатель видит, что на деле было обратное: Маркс и Энгельс, «по своему и сами того не желая», работали pour le roi de Prusse, явились игрушками и служили видам Бисмарка».

Сие «утверждает» и считает «неопровержимо доказанным» наш Ю. Гарденин. Пусть же он прочтет, что писал «немецкий шовинист» Маркс.

«Но, скажут нам глашатаи тевтонского патриотизма, не следует смешивать немцев с французами. Чего мы требуем, так это не славы, но безопасности. Немцы по натуре народ миролюбивый.

Под их трезвой охраной само завоевание превращается из условия будущей войны в залог вечного мира. Конечно, не немцы занятнали своим руки покорением Италии, угнетением Венгрии, разделом Польши. Их современная военная система, которая делит все мужское население, способное носить оружие, на две категории—постоянную армию «на действительной службе» и другую постоянную армию «в отпуску», обе, присягой обязанные, пассивно подчиняться воле монарха Божиею милостью—такая военная система, конечно, является прочнейшей гарантией мирной политики и высшим воплощением цивилизующих тенденций!»

И, вслед за этой отповедью Бисмарку и выпущенной им своре купленных или добровольных лакеев Гогенцоллернов, Маркс набрасывает следующий гениальный прогноз европейской истории:

«Как в 1865 г. произошел обмен обещаний между Наполеоном и Бисмарком, так в 1870 г. между Бисмарком и Горчаковым. Как Бонапарт льстил себя надеждой, что война 1866 г., вследствие взаимного истощения Австрии и Пруссии, сделает его диктатором Германии, так Александр надеялся, что война 1870 г., приведя к взаимному истощению Франции и Германии, сделает его диктатором западного континента. Как Вторая империя считала существование Северо-германского союза несовместимым со своим собственным существованием, так самодержавная Россия должна будет считать, что Немецкая империя под прусским главенством грозит ей опасностью. Таков закон старой политической системы. В ее пределах выигрыш одного государства является потерей другого. Господствующее влияние царя в Европе коренится в традиционной опоре, которую он находит в Германии. И в такой момент, когда в самой России вулканические социальные силы грозят подкопать основу самодержавия, может ли царь помириться с таким ущербом его внешнего п р е с т и ж а? Московские газеты повторяют уже слова бонапартистских газет после войны 1866 г. Думают ли тевтонские патриоты в серьез, что они свободу и мир Германии «гарантируют» тем, что бросают Францию в объятия России! Если счастье немецкого оружия, опьянение успехом и династическая интрига приведут к территориальному ограблению Франции, тогда для Германии остаются открытыми две дороги. Она рискует превратиться в с о з н а т е л ь н о е орудие русских завоевательных планов,—политика, которая находится в согласии с традициями Гогенцоллернов—или должна, по истечении

короткого времени, опять готовиться к новой «оборонительной» войне, но не к какой-нибудь новомодной «локализованной» войне, а к войне рас, к войне с союзными славянами и романцами. Это и есть тот мир, который «гарантируют» Германии скорбные главою (hirnkranken) патриоты буржуазии» [1]).

А. Ю. Гарденин «утверждает» и «неопровержимо доказывает», что Маркс и Энгельс работали pour le roi Prusse и служили видам Бисмарка!

Во второй части манифеста Маркс формулирует практические задачи, которые диктуются создавшимся историческим положением рабочему классу. В первую голову он обращается к немецким рабочим и требует от них, чтобы они в свою очередь выставили требования действительных гарантий прочного мира и свободы. Такими гарантиями являются почетный мир с Францией и признание Французской республики.

Гораздо сложнее и труднее задачи французского пролетариата.

«Вместе с немецкими рабочими мы приветствуем республику во Франции, но нас смущают опасения, которые, мы надеемся, окажутся неосновательными. Республика не свергла трон, но заняла его место, очищенное прусскими штыками. Она была объявлена не как социальное завоевание, а как мера национальной обороны. Она находится в руках временного правительства, которое состоит частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, между прочим и таких, на которых июльское восстание 1848 г. наложило неизгладимое пятно. Разделение труда между ними внушает подозрение. Орлеанисты захватили центры правительственной власти, республиканцы удовлетворились говорильными постами (Schwarzposten). Некоторые акты их показывают, что они от предшественников унаследовали не только руины, но и страх перед рабочим классом. Если в диких фразах от имени республики обещаются невозможные вещи, то не делается ли это для того, чтобы подготовить агитацию в пользу «возможного» правительства? Не должна ли послужить эта республика, согласно плану некоторых ее буржуазных антрепренеров, просто затычкой и мостом для орлеанистской реставрации?»

---

[1]) В английском оригинале слово „оборонительный“ тоже заключено в ковычки. Последняя фраза о скорбных главою немецких патриотах имеется только в немецкой редакции.

Бедный Ю. Гарденин! Сколько времени ухлопал он, чтобы, «наморщивши чело» и походя перевирая плохо понятый текст, отыскать в «таившейся под спудом частной переписке» якобы скрываемые Марксом и Энгельсом мнения о Французской республике и вывести их на свет божий, чтобы посрамить этих тайных пособников Бисмарка!

И что же оказывается? Маркс ни чуточки не постыдился все это высказать еще 9 сентября 1870 года и в манифесте, обращенном к французским рабочим! Более того. У него хватило «бесстыдства» в этом же манифесте выступить публично со следующими советами французским рабочим:

«Французский рабочий класс поэтому находится в чрезвычайно затруднительных условиях. Всякая попытка свергнуть существующее правительство, в разгаре страшного кризиса, когда неприятель стучится уже почти у ворот Парижа, было бы отчаянной глупостью. Французские рабочие должны выполнять свой гражданский долг и они делают это, но они не должны дать себя ослепить национальными традициями 1792 г., как французские крестьяне дали себя ослепить национальными традициями первой империи. Они должны не реканитулировать прошлое, а строить новое будущее. Они должны использовать республиканские свободы, чтобы быстро развить свою классовую организацию, которая даст им геркулесовскую силу для возрождения Франции и нашего общего дела, освобождения труда. От их энергии и мудрости зависит судьба республиканцев!»

А мудрый Ю. Гарденин пишет: «Переписка Маркса и Энгельса впервые показывает нам с достаточной полнотой, что тогдашние агенты Маркса во Франции—Серрайэ и Дюпон, тормозившие всеживые начинания и вставлявшие палки в колеса всякой революционной инициативы — делали это не просто по личной неспособности, но, увы!, «творя волю пославшего».

В действительности, переписка дает нам теперь возможность проследить, как вырабатывались у Маркса и Энгельса взгляды, которые нашли свое классическое выражение в обоих манифестах Интернационала по поводу франко-прусской войны. Можно «утверждать», что они ошиблись в оценке тогдашнего положения, что советы, которые они давали французскому пролетариату 9 сентября, неудовлетворительны, но возводить на них «злостную клевету», «утверждать», что они скрывали эти взгляды—для этого нужна еще вся «этическая» развязность Ю. Гарденина.

Но, чтобы оценить во всей полноте его «утверждение», что «менее всего брали Маркс и Энгельс в дальнейшем столкновении сторону Французской республики, которую они совершенно не хотели брать в серьез и третировали en canaille», нужно обратиться к другим показаниям. Читатель должен помнить, что переписка Маркса и Энгельса в 1870 г. прекращается сейчас же по провозглашении Французской республики. В нашей заключительной статье мы проследим их деятельность во время второй фазы франко-прусской войны, а также во время коммуны.

V.

Мы видели, что в споре, который разгорелся между брауншвейгцами и Либкнехтом, Маркс по существу стал на сторону последнего. Более того. Именно ему удалось переубедить Брака и товарищей. И, сейчас же после провозглашения республики, немецкая социал-демократия начинает вести энергичную агитацию за почетный мир с Францией и признание республики.

Положение, однако, было очень неблагоприятное. Преимущество немецкой армии над французской было подавляющее. Победы продолжали следовать одна за другой. Между 15 и 19 сентября был окружен Париж. 23 сентября пал Туль, а 27 капитулировал Страсбург. Базен с 150 тысячной армией был охвачен железным кольцом под Мецом.

А временное правительство, правительство, перед которым теперь идолопоклонствует Гарденин, с гораздо большей энергией организовало поход против «внутреннего врага». Неудивительно, поэтому, что Энгельс очень пессимистически оценивал военные шансы республики. Так, еще в письме от 12 сентября 1870 г. он пишет Марксу:

«Хуже всего то, что в Париже так редки люди, которые, при настоящем положении дел, в состоянии видеть вещи в их истинном свете. Где тот человек в Париже, который осмелится бы только подумать, что активная сила сопротивления Франции в этой войне уже сломлена, и что нет никакой надежды на изгнание вторгнувшейся армии путем революции».

Но дальнейшие события изменили его настроение. А Маркс, который, в отличие от Энгельса, всегда переоценивавшего зна-

чение военного фактора—а во время первой фазы 1870-71 гг. в особенности—придавал, как и во время северо-американской гражданской войны, когда он с самого начала, вопреки авторитету Энгельса и несмотря на первые поражения северных штатов, был убежден в победе последних, гораздо большее значение внутренним силам нации, еще до провозглашения республики не терял надежды, что Франция избавлена будет от окончательного поражения. Его оптимизм укрепляется еще больше после 4 сентября, несмотря на опасения, которые ему внушал состав временного правительства.

Решающее значение имело изменение международного политического положения. С провозглашением республики, Франция освобождалась от всех невыгод той политической изоляции, пустоты, созданной вокруг нее с несомненным дипломатическим искусством тем самым Бисмарком, который теперь, к своему великому огорчению, очутился лицом к лицу с совершенно новым противником.

В Англии, в которой «общественное мнение» было возмущено против Наполеона—с неподражаемым цинизмом Бисмарк опубликовал проект договора Наполеона с Пруссией, направленного против Бельгии—настроение сразу изменилось.

«Эта республика—одна только фраза—повернула все дело в другую сторону».—пишет Маркс Энгельсу 14 сентября.

А тут на сцену явилась еще русская дипломатия. Если не формальным договором, то иным путем Бисмарк купил нейтралитет России указанием на компенсации, которые она может получить на Ближнем Востоке. Весьма вероятно, что этот мастер политической лжи, только что так ловко опять надувший Бонапарта, надеялся, что ему удастся так же легко провести русских дипломатов. Во всяком случае ни он, ни его патрон не думали, что Россия поспешит раскрыть карты и выложить на стол свои козыри. А всякий выигрыш России на Ближнем Востоке был тогда проигрышем для Англии. Но Россия предпочла не ждать окончания войны.

20 октября, за семь дней до капитуляции Меца, Горчаков заявил английскому министру иностранных дел, что Россия не считает для себя более обязательными постановления Парижского трактата 1856 г., запрещавшие ей содержать военный флот на Черном море. Таким образом, опять был поставлен на очередь дня, и в полном объеме, Восточный вопрос, как совершенно неожиданное последствие русских побед, и «мрачная фигура России», которая,

по выражению Маркса в первом манифесте по поводу войны, до тех пор скрывалась за кулисами, одним скачком очутилась опять на авансцене европейской политической жизни. Вместо того, чтобы получить вознаграждение из рук Бисмарка, Россия предпочла создать «un fait accompli», и теперь, с добычей в кармане, она уже собиралась играть роль великодушного покровителя несчастной Франции и восстановителя европейского равновесия!

Если бы во главе Французской республики не стояли тогда такие дельцы, как Жюль Фавр и Трошю, если бы действительная власть не принадлежала, по выражению Лаврова, «злейшим врагам» народа, если бы, вместо того, чтобы сеять раздор между регулярной армией и национальной гвардией, эти горе-республиканцы объединили все силы сопротивления, Франция могла бы избавиться и от пятимиллиардной контрибуции и потери Эльзас-Лотарингии. Только бесзастенчивая политика Бисмарка, предъявившего даже для этих господ неприемлемые требования, да страх пред угрожающим положением, которое заняло население Парижа, заставляли их пока отказаться от заключения мира и нехотя продолжать войну. Это же положение дало на время Гамбетте возможность показать, что даже буржуазная республика имеет в себе достаточно сил, чтобы оказать сопротивление победоносному врагу. Ведь война против империи, приведшая к капитуляции Седана, длилась каких-нибудь пять недель, а новой пока не предвиделось конца! Энгельс, который до самого конца войны критически регистрировал все ее события в ряде статей, писанных для английской газеты «Pall Mall Gazette» от июля 1870 г. до февраля 1871 г., очень скоро переменил свое мнение и возлагал большие надежды на хорошо организованное народное сопротивление. Более того. Не только Вальян, но и Лафарг, в своих воспоминаниях об Энгельсе, пишет, что у последнего было тогда одно желание и одна надежда: торжество Французской республики [1]). И то же самое приходится сказать о Марксе.

Конечно, Гарденин имеет готовый ответ: «Все это не более, как благочестивая легенда. В переписке Маркса и Энгельса нет и следов ее подтверждения». Но вольно же ему chercher le midi à quatorze heures! В переписке, которая заканчивается письмом от 14 сентя-

---

[1]) Neue Zeit. XXIII, 2. c. 561.

бря и запиской от 16 сентября, мудрено найти указания, на то, что случилось после 16 сентября!

К счастью, мы имеем другой источник, который Гарденину должен быть так же хорошо известен, как и мне. Это—письма Маркса к Кугельману. Возьмем письмо от 13 декабря 1870 г., в котором Маркс резюмирует новое положение:

«Здесь в Англии общественное мнение в начале войны было ультра-прусским, теперь оно превратилось в свою противоположность. В кафе-шантанах немецких певцов с их «Wi-Wa Wacht am Rhein» освистывают, тогда как французским, поющим Марсельезу, подпевают хором. Кроме решительных симпатий народных масс к республике и негодования буржуазии на теперь всем ясный союз между Пруссией и Россией и бесстыдный тон прусской дипломатии со времени военных успехов, всеобщее возмущение вызывает также и способ ведения войны—система реквизиций, сжигание деревень, расстрелы франктиреров, взятие заложников и тому подобные позаимствования из практики тридцатилетней войны. Конечно, англичане все это проделывали сами в Индии, на Ямайке и т. д., но французы все же не индусы, не китайцы, не негры, и пруссаки не «небеснорожденные» англичане. Это — чисто гогенцоллернская идея, что народ совершает преступление, если он продолжает оказывать сопротивление, когда его постоянная армия уничтожена... Впрочем, мы еще посмотрим, чем дело кончится. Война во Франции может принять еще очень «пакостный» оборот. Сопротивление луарской армии явилось совершенно неожиданным, а теперешнее рассеяние немецких сил направо и налево должно только страх нагнать, в сущности же вызывает только к жизни новые оборонительные силы во всех пунктах и ослабляет наступление. Таким же трюком является и возвещенная бомбардировка Парижа. На самый город она, по всем правилам теории вероятности, не может произвести никакого серьезного впечатления».

В своих военных рассуждениях Маркс опирается на статьи Энгельса. Что этот оптимизм в декабре 1870 г. имел за собою достаточные основания, что военное положение Франции было тогда далеко не безнадежно, показали воочию все дальнейшие разоблачения. В то самое время, когда Энгельс писал в своих статьях, что все зависит от энергии народного сопротивления и партизанской войны—«элемент, который пруссаки имеют особый дар вызывать всюду,

где они появляются»—что Франция нуждается только во времени и резервах, настроение в прусском генеральном штабе было далеко не розовое.

«Даже такой уверенный и смелый стратег, как Блюменталь—пишет историк франко-прусской войны Даниельс—временами сомневался в счастливом исходе кампании, когда он наблюдал упадок духа в главном штабе. Там говорили о мире во что бы то ни стало, об отказе от Эльзас-Лотарингии». И в своем дневнике Блюменталь писал: «Последний ополченец должен быть призван к оружию, чтобы сражаться против Франции, а вместе с тем, и революции. Позорный мир и революция в Германии тесно связаны друг с другом».

Нет, не благочестивая легенда цитируемые Гардешиным слова Вальяна, что Маркс и Энгельс, едва только 4 сентября была провозглашена республика, горячо желали победы Французской республики. Не важно, действительно ли, как уверяет Вальян, что свое горячее желание победы Энгельс тогда простер до того, что «написал правительству национальной обороны, предлагая в его распоряжение свои военные советы». Это утверждали всегда и другие друзья Энгельса. Мы лично думаем, что выраженное Энгельсом желание относится к более позднему времени. Во всяком случае, советы, которые он давал в своих статьях, привлекавших к себе тогда всеобщее внимание, шли в том же направлении, что и меры, предпринимаемые Гамбеттой и его товарищами, и дышали искренним желанием победы Франции. А эта «победа» означала тогда изгнание немцев из Франции.

Когда Бисмарк, 9 января 1871 г., в циркулярной депеше к представителям Северо-германского союза при нейтральных державах, возмущался против диктатуры правительства, которое требует у народа деньги, чтобы продолжать войну, и распинался за свободу прессы и слова, Маркс ответил открытым письмом в редакцию «Daily News». Оно появилось под заглавием «Свобода печати и слова в Германии».

Мы не будем приводить все это письмо [1]), в котором Маркс бичует свирепствовавший тогда в Пруссии произвол, который, правда, может показаться раем в сравнении с режимом печати в современ-

---

[1]) Немецкий перевод помещен в „Neue Zeit“ XX, 2. с. 607.

ных воюющих—«культурных» и «варварских» странах. Свое письмо Маркс заканчивает следующими словами:

«Франция—и ее дело, к счастью, далеко еще не безнадежно—сражается в настоя ее время не только за свою национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы».

А наш Дон Базилио Гарденин хочет нас уверить, что Энгельс упрямо не желал принимать республику в серьез, и планы поднять всю страну против прусского нашествия упорно—вопреки очевидности—называл неискренним и парадным фразерством. «Мы не только это утверждаем. Мы теперь имеем право считать это неопровержимо доказанным». Не скажет ли нам сосед Гарденина по газете, Камков, сколько раз надо с апломбом повторить одну и ту же неправду, чтобы она сошла за правду?

Даже, после капитуляции Парижа, Маркс—повторяем, что в этом отношении его взгляды разделял вполне и Энгельс—не теряет еще надежды. Его письмо к Кугельману, писанное 14 февраля 1871 г., и потому еще представляет огромный интерес, что вводит нас в историю возникновения коммуны.

«Тебе известно мое отношение к героям буржуазии. Но Жюль Фавр и К-о (известный еще своей деятельностью во временном правительстве и при Кавеньяке) превзошли все мои ожидания. Сначала они дозволили Трошю, этой «правоверной сабле» или «военному кретину», как его верно характеризовал Бланки, выполнить его «план». А план этот состоял в том, чтобы продолжать пассивное сопротивление Парижа до крайности, т.-е. до истощения, а активную оборону свести к «платоническим вылазкам», к пародии на маневры. Я говорю это не на основании «догадок». Мне известно содержание письма, которое Жюль Фавр писал Гамбетте и в котором он жалуется, что он и другие члены оставшейся в Париже части правительства тщетно побуждали Трошю перейти к более серьезным наступательным действиям. Трошю на это каждый раз отвечал, что таким образом парижская демагогия получит перевес. Гамбетта ответил ему: «Vous avez prononcé votre propre condamnation! Трошю считал более важным, при помощи своей бретонской лейб-гвардии, которая оказывала ему те же услуги, что корсиканцы Наполеону, сдерживать красных в Париже, чем сражаться с пруссаками. Именно это и является действительной причиной поражений

не только в Париже, но и всюду во Франции, где буржуазия, в согласии с большинством местных властей, действовала согласно тому же принципу».

Маркс надеялся, что несоразмерные требования, которые Бисмарк сначала выставил, вынудят французскую буржуазию к дальнейшему сопротивлению.

«Я надеюсь, что Бисмарк будет настаивать на своих мирных условиях! 400 миллионов фунтов стерлингов военной контрибуции—половина английского государственного долга! Это поймут и французские буржуа! Они, быть может, поймут, наконец, что, продолжая войну, они, в худшем случае, могут только выиграть».

И он прибавляет дальше:

«Несмотря на то, что положение пруссаков кажется благоприятным, оно, в действительности, далеко не так хорошо. Если Франция выдержит, если она использует перемирие для реорганизации своей армии и придаст наконец войне действительно революционный характер—а хитроумный Бисмарк с своей стороны делает все возможное для этого—то новорожденная прусская империя может получить еще совершенно неожиданное палочное крещение».

Но Маркс и Энгельс, не только в прессе, не только путем непосредственного воздействия на немецкое рабочее движение, действовали в пользу Французской республики. Оба они, в особенности первый, не менее энергично работали и в Англии, чтобы побудить рабочих вести борьбу за признание Англией республики. Генеральный совет, который тогда выполнял, кроме своих интернациональных функций, еще и роль одного из центров английского рабочего движения, сейчас же взялся за организацию ряда митингов, чтобы повлиять на правительство, во главе которого стоял тогда Гладстон, всегда лицемерно облекавший в красивые фразы неприглядную внешнюю политику английской олигархии. Так и теперь он усиливал от признания республики, ссылаясь на различные формальности, с которыми однако нисколько не считался Пальмерстон, когда на другой же день после государственного переворота 2 декабря 1851 г. приветствовал спасителя «порядка». Правда, и само правительство национальной обороны, то самое, которое Маркс и Энгельс третировали en canaille и которому Гарденин еще и теперь почтительно бьет челом, не особенно настаивало на этом признании, да и Бисмарк еще не отказался от надежды восстановить на троне Наполеона, который,

по уверению самого же Бисмарка, был главным виновником этой войны [1]).

Мы не будем останавливаться на перипетиях той борьбы, которую Маркс и Энгельс вели в Англии за признание республики во Франции, хотя они знали, что во главе ее стоят люди, которым это признание было не особенно желательно. Когда Жюль Фавр, этот прообраз государственных людей третьей французской республики, после поражения Коммуны, 6 июня 1871 г. обратился с предложением ко всем европейским державам начать охоту на Интернационал, Маркс, ему, между прочим, ответил и следующим разоблачением:

«Известно, что Генеральный Совет Международного Общества Рабочих в своих двух манифестах (июльском и сентябрьском) по поводу недавней войны разоблачил завоевательные планы Пруссии. Несколько времени спустя, Рейтлингер, частный секретарь Жюль Фавра, обратился к некоторым членам Генерального Совета, конечно, безуспешно, с просьбой инсценировать чрез посредство Генерального Совета демонстрацию против Бисмарка в пользу «правительства национальной обороны». Но этих членов нарочито просили республики не упоминать».

Рост революционного движения в Париже изменил все планы. Он, во-первых, заставил Бисмарка отказаться от надежды навязать опять Франции Наполеона и уменьшить свои требования. Во-вторых, он сконцентрировал все силы буржуазной Франции в борьбе с парижским пролетариатом и даже для монархической буржуазии сделал республику неизбежным, но все же меньшим злом.

Начиналась героическая эпопея Коммуны. Даже Гарденин знает, что Маркс «возвеличил дело Парижской Коммуны красноречивее, чем кто-либо». Но—и это шестое и последнее обвинение, которое он выдвигает против Маркса и Энгельса—к самым проектам провозглашения Коммуны они относились в высшей степени отрицательно.

Мы уже знаем, как расправляется Гарденин с фактами и хронологией. Мы уже знаем, что и теперь, сорок пять лет спустя после

---

[1]) „Чем провинился Наполеон — писал орган Бисмарка — что в момент крайней опасности свергают правительство, которое во всяком случае имело то преимущество, что ему, как существующему, повиновались, тогда как новое должно еще заслужить это повиновение".

Коммуны, он еще не научился отличать действительных ее героев от таких «литературных эпилептиков» и героев революционной фразы, как Феликс Пиа.

Пусть Гарденин прочтет следующие письма Маркса, писанные не после поражения Коммуны, а при известии о первых ее шагах. Даже он, надеемся, поймет, какое единство настроения и понимания связывает эти частные письма с знаменитым манифестом Интернационала по поводу гражданской войны во Франции. Оба письма адресованы Кугельману. В первом (от 12 апреля 1871 г.) мы читаем:

«Если ты дашь себе труд заглянуть в последнюю главу моего «18-го Брюмера», то ты найдешь, что я там выставляю, как ближайшую попытку Французской революции, не переход бюрократически-милитарного механизма из одних рук в другие, но слом (уничтожение) его. Это—предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. В этом заключается и попытка наших героических парижских товарищей. Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность к самопожертвованию лежит в этих парижанах. После шестимесячного голодания и истощения — вследствие внутренней измены еще более, чем от внешнего врага—они восстают под прусскими штыками, как-будто не было никакой войны между Францией и Германией и враг вовсе не стоит у ворот Парижа! История не знает еще другого примера подобного героизма! И если они падут, то виновно будет в этом только их «добродушие». Нужно было сейчас же идти на Версаль, после того как Винуа, а затем реакционные части парижской национальной гвардии сами очистили поле. Настоящий момент был упущен благодаря излишней скрупулезности (versaeumt aus Gewissensskrupel). Не захотели начать гражданскую войну, как будто этот злобный выродок Тьер не начал уже сам этой войны своей попыткой обезоружить Париж. Вторая ошибка. Центральный Комитет слишком рано отказался от власти, чтобы уступить ее Коммуне. Опять-таки в силу той же «благородной» скрупулезности! Как бы то ни было, теперешнее восстание Парижа—если оно даже будет подавлено волками, свиньями и погаными псами старого общества — представляли самое славное дело нашей партии со времени июньского восстания. Стоит только сравнить с этими небоборцами Парижа неборабов немецко-прусской священной римской империи с

ее посмертными маскарадами, пахнущими казармой, церковью, капустным юнкерством и больше всего филистерством!»

И пять дней спустя—17 апреля—в ответ на письмо Кугельмана:

«Твое письмо пришло аккуратно. У меня теперь по горло работы. Поэтому только несколько слов. Мне абсолютно не понятно, как ты можешь сравнивать мелкобуржуазную демонстрацию à la 13 июня 1849 г. с теперешней борьбой в Париже.

«Конечно, творить всемирную историю было бы очень легко, если бы приходилось начинать борьбу только под условием безошибочно благоприятных шансов. История, с другой стороны, носила бы совершенно мистический характер, если бы «случайности» не играли в ней никакой роли. Эти случайности входят, разумеется, в общий ход развития и, в свою очередь, уравновешиваются другими случайностями. Но ускорение и замедление весьма зависят от таких «случайностей», среди которых фигурирует и такая «случайность», как характер людей, которые становятся сначала во главе движения.

«Имеющую теперь наиболее решающее значение «случайность», приходится искать не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков, стоящих под самым Парижем. Это хорошо было известно и буржуазной сволочи в Версале. Именно, поэтому, они и поставили парижан перед альтернативой: принять борьбу или подчиниться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастием, чем гибель любого числа «вождей». Борьба рабочего класса с классом капиталистов и их государством вступила теперь, вследствие парижского восстания, в новую фазу. Как бы она ни кончилась, теперь завоеван новый исходный пункт всемирно-исторического значения».

И знаете ли Вы, citoyen Felix Pyat—Гарденин, чем был занят Маркс в это время? Ответ вы найдете в деятельности Варлена и его ближайших друзей. Кое-что вы можете узнать и у Вальяна.

Наша задача окончена. Все шесть пунктов, в которых Гарденин резюмировал свои обвинения против Маркса и Энгельса, превратились в свою прямую противоположность. А именно, вопреки его утверждениям 1) Маркс и Энгельс считали виновницей войны и нападающей стороной не только Францию; 2) они совершенно опро-

деленно не желали в течение первой фазы войны поражения ни той, ни другой, стороне, а во время второй фазы совершенно определенно желали поражения Германии; 3) по тому самому, они не имели намерения теоретически обосновывать желательность победы Германии, да еще «под углом зрения пролетариата»; 4) в дальнейшем столкновении они взяли «сторону Французской республики», хотя третировали en canaille ее буржуазных вождей—и с полным основанием; 5) оппозиция их отторжению Эльзаса-Лотарингии была именно ожесточенной и, более того, они являлись ее главными инициаторами в самой Германии, и 6) к парижской Коммуне они отнеслись не только отрицательно, но, с самого начала, разгадали ее крупное всемирно-историческое значение и, в меру сил своих, способствовали ее развитию и созданию вокруг нее благоприятной обстановки путем энергичного воздействия в первую голову на немецкий, а затем и на международный пролетариат.

Значит ли это, что Гарденин—злостный клеветник, что его тезисы действительно заслуживают той квалификации, которую он сам им дал на тот случай, если ему докажут, что они так же далеки от истины, как его окрошечный социализм от науки?

Нет, Гарденин — не «злостный клеветник». Нет, он сам лишь злостная клевета на революционный социализм.

Он просто не устоял против соблазна использовать это подлое время, когда всякие хамы справляют свой дикий танец по поводу последнего поражения пролетариата, чтобы нанести из-за угла новый удар первооснователям научного социализма. С аффектированной наивностью восьмилетнего ребенка он протягивает русским марксистам руку примирения. И со свойственным ему литературным благородством будет «нравственно» возмущаться, когда его протянутая рука повиснет в воздухе.

Март 1915.

Меринг о войне.

I.

Растущая с каждым днем оппозиция в рядах немецкой социал-демократии состоит из самых разнообразных элементов. Принято считать, что ее крайнюю левую образует группа, которая сделала попытку издавать в самой Германии свой орган, теперь уже приостановленный, «Internationale». Она определяется именами Люксембург и Меринга. Правда, и среди сотрудников этого журнала намечаются уже довольно явственно разногласия. Особенно заметно они проявлялись, как только различным элементам этой оппозиции пришлось вступить в непосредственный контакт с представителями так называемой крайней левой в русской социал-демократии, т.-е. с ленинской группой, сыгравшей, совершенно невольно для себя, своеобразную роль—говоря на языке химии—лакмусовой бумажки.

Во всяком случае, единство этой оппозиции сейчас же исчезло, как только миновал первый период ее конституирования—по чисто отрицательному признаку, т.-е. на почве критики декларации 4-го августа.

Дело в значительной степени осложнилось еще и тем, что, даже более или менее близко знакомым с внутренней жизнью немецкой партии были совершенно неизвестны все перипетии внутренней борьбы во фракции, повлекшие за собой голосование за военные кредиты. Что дело не сводилось к одной только «измене», доказывается уже тем, что и Либкнехт сыграл в этой истории ту же самую «позорную» роль, что и Гаазе. Еще менее была известна роль, которую сыграл во фракции, как сведущее лицо, Карл Каутский. Из этого же самого журнала «Internationale» видно, что часть оппозиции приписывала ему такие «преступления», в которых он был совершенно неповинен.

А насколько разнообразны были мотивы, по которым, уже и накануне 4-го августа и после, подвергалась критике декларация 4-го августа, показывает пример Либкнехта и, в особенности, Меринга. Главное разногласие сначала сводилось к вопросу, имеет ли фракция дело с оборонительной войной или с наступательной. Тем самым вся фракция становилась на принципиальную почву, которая, с самого начала, исключала всякую возможность дифференциации на «изменников» и «верных». Раз все члены ее, в том числе и Либкнехт, исходили из того положения, что, в случае оборонительной войны, «мы» не можем оставить отечество без необходимых средств защиты,—то все дело сводилось к анализу вопроса, какой характер носит война, а затем к подсчету голосов за и против. Теперь мы можем с известной достоверностью утверждать, что среди большинства были «зюдекумизированные» элементы, которые с особенной готовностью поспешили признать себя «убежденными», но это не меняет положения, как оно об'ективно сложилось в немецкой партии к 4-му августа. Не только немецкие социал-демократы, но и вся международная социал-демократия думала, вместе с Бебелем, что в каждом данном случае легко определить, какой характер носит война—оборонительный или наступательный. Попытка, которую сделал в свое время Каутский—его поддержал и Меринг—выступить против этого различения, осталась безуспешной. Авторитет Бебеля был слишком велик.

Можно утверждать, что немецкая социал-демократическая фракция была одурачена или слишком легко дала себя одурачить, но такое «одурачение» было возможно только потому, что вся фракция—без исключения—была согласна, что единственным критерием является определение оборонительного или наступательного характера войны. Именно это всеобщее убеждение об'ясняет, почему точка зрения Каутского, высказавшегося против голосования за кредиты, но рекомендовавшего воздержание, именно потому, что нет возможности в каждом конкретном случае точно установить, с какой войной мы имеем дело, осталась для огромного большинства фракции совершенно непонятной, «доктринерской» [1]).

---

[1]) Наиболее крупную ошибку совершил Каутский в дальнейшей фазе, когда, после провала его предложения, сделал попытку внести дальнейшие ограничения в формулу „оборонительной“ войны. Но об этом после.

Вот почему можно очень резко выступать против данного конкретного решения и в то же время оставаться на общей принципиальной почве. Именно современная война показала всю бессмысленность этого критерия, который позволяет Плеханову и Зюдекуму, Гайндману и Гейне так основательно забыть один из основных тезисов коммунистического манифеста, что пролетариат каждой страны должен прежде всего покончить с своей собственной буржуазией, и побуждает их в то же время, со всей силой своего негодования, обрушиваться не только на буржуазию, но и на пролетариат других стран. И, несомненно, что одной из первых задач третьего Интернационала будет отказ от метафизики «оборонительной» войны.

...Но можно также, подвергая резкой критике декларацию 4-го августа, стать на такую точку зрения, которая отвергает все схоластические различения между оборонительной и наступательной войной и все же так же решительно исключает интернациональную акцию пролетариата, как и точка зрения «оборонительной» войны во всех ее формах—от «защиты отечества» до теории «первого зачинщика». Ведь можно сказать, что современная война является продуктом исторической необходимости, что ее так же мало могли предупредить как господствующие классы, так и пролетариат различных стран, что социал-демократии поэтому остается только определить, чья победа выгоднее для исторического прогресса. И в этом случае возможны различные конкретные решения—так А. П-ов (в «Нашей Заре») приходит к заключению, что выгоднее победа четверного согласия, а многие австрийские социал-демократы и Парвус, производя ту же самую алгебраическую операцию с различными величинами тройственного союза, приходят к противоположному выводу, но, в обоих случаях, и те и другие отказываются от всякой попытки стать на точку зрения международного пролетариата в целом в его собственной борьбе с международной буржуазией. Задача пролетариата сводится в обоих случаях к установлению «большего» или «меньшего зла» и «использованию» конфликта в «наших» выгодах. Что такая точка зрения может быть выражена в очень революционных фразах, что она совмещается с признанием империалистического характера современной войны и с резко отрицательным отношением к социал-пацифизму,—всего этого не замечают только Радек и Ленин. В ее крайнем выражении она при-

водит к «пораженческой» точке зрения. Достаточно признать, что теперь уже закончился период прогрессивных, национально-освободительных войн, что мы вступили теперь—в эру «чисто» реакционных империалистических войн, чтобы выставить «революционный» лозунг поражения «своей» страны для того, чтобы «использовать» эту войну в целях демократизации своей страны.

Какой же точке зрения принадлежали Меринг, которого наш «отчаянный» Ленин считает своим союзником? Каким теоретическим оружием пользуется он в своей борьбе с «официальными инстанциями»? Ответ на этот вопрос дают последние статьи Меринга в «Neue Zeit», посвященные «военно-историческим проблемам».

II.

Поводом послужила для Меринга попытка известного немецкого романиста Томаса Манна,—автора «Семьи Буденброков»— провести патриотическую параллель между современной войной и семилетней, в которой Пруссии и ее королю Фридриху II пришлось вести борьбу с европейской коалицией.

По мнению Меринга, эта параллель уже потому крайне неудачна, что подсовывает Фридриху совершенно чуждые ему национальные мотивы и забывает, что результатом семилетней войны для Пруссии, а косвенно и для всей Германии явилась та самая зависимость от России, печальные последствия которой так глубоко запечатлелись в памяти немецкого народа, что выставленный в начале теперешней войны пароль «борьба с царизмом» мог еще вызвать «пламенное», хотя ничуть не освещающее воодушевление».

Мы не будем следовать за Рингом в его изложении причин, вызвавших семилетнюю войну. Старые сказки о походе трех дам (Помпадур, Марии-Терезии и Елизаветы), обиженных шутками остроумного философа-короля, изгнаны теперь даже из учебников. Семилетняя война была вызвана такими же материальными причинами, как и другие войны XVIII столетия до Великой французской революции. На полях Германии решались не только вопросы, быть ли Пруссии великой державой и т. п., но и вопрос, кто получит большую долю в добыче, которая открывалась в Новом Свете. Борьба за господство в средней Европе между Пруссией с одной стороны, Австрией

и Россией с другой, сопровождалась борьбой между Англией и Францией за всемирное господство в Америке и Азии.

Но, подобно современной войне, своих идеологов имела и семилетняя война. Прусские историки стараются сделать из нее оборонительную, хотя политика Пруссии того времени так же мало поддается идеализации, как и современная политика Германии. Как известно, семилетняя война началась «неслыханным» еще тогда разбойническим нападением Фридриха на Саксонию—без предварительного об'явления войны. И все же Фридрих сделал попытку прикрыться фиговым листком оборонительной войны. Захватив архив дрезденского кабинета, в котором он нашел документы, подтвердившие его подозрения против Австрии и России, он уже, post factum, в особом манифесте, старался доказать, что его нападение на мирную страну было актом вынужденной обороны, так как, несомненно, Саксония стала бы на сторону его будущих противников. Аналогия с нападением Германии на Бельгию и попыткой Бетман-Гольвега, на основании захваченных в бельгийских архивах документов, доказать «вину» Бельгии, бросается в глаза. Есть, правда, и разница. Философ-король был умнее философа-канцлера, этой «продолговатой неспособности» («die längliche Unzulänglichkeit»), как его остроумно назвал покойный Франк. Большой циник, король прекрасно знал, что ежели властители хотят нарушить договор, то за соответствующим манифестом нужды не будет: «Они—говорил Фридрих,—принимают определенное решение, ведут войну и предоставляют уже какому-нибудь прилежному ученому юристу подыскать для них оправдания». И, во всяком случае, он уже не сделал бы такой глупости, чтобы через несколько месяцев, на основании тех же архивов, доказывать прямо противоположное. Меринг замечает, что нападение на Саксонию предпринято было Фридрихом лишь потому, что он надеялся иметь против себя, в худшем случае, только Австрию и Россию. Вмешательство Франции, весьма вероятное, было для него такой же неожиданностью, как вмешательство Англии для Вильгельма и Бетмана-Гольвега в 1914 г.

Позднейшие архивные разыскания подтвердили мысль, которую высказал еще в XVIII столетии сам автор манифеста, известный дипломат Герцберг, что непосредственная опасность, которая грозила, тогда, по мнению Фридриха, Пруссии, была далеко не такой неминуемой, и что возможное участие Саксонии в возможном напа-

дении Австрии еще не оправдывало вторжения в Саксонию. В действительности, Фридрих надеялся, что ему удастся так же легко прикарманить Саксонию, как прежде Силезию, а в результате семилетняя война окончилась истощением Пруссии. Выиграла от войны только Англия, заложившая тогда основы своего колониального могущества в Азии, а Фридрих должен был направить свои аппетиты на восток, и, в союзе с своими недавними врагами, подготовил раздел Польши. Таковы были последствия «оборонительной» войны, которую Фридрих предпринял, чтобы «предупредить» нашествие французов и русских.

В дальнейшем изложении Меринг ставит точки над и. Он a limine отрицает возможность определить, в каждом конкретном случае, кто напал, кто обороняется. «В классовом обществе война, в последнем счете, разрешает все конфликты, возникающие в области интересов между отдельными народами или государствами: в последнем счете потому, что она возникает, когда эти конфликты настолько обострились, что исключают мирное соглашение». Ненасытные завоеватели или войны, вызванные по капризу, просто здорово живешь, принадлежат, по мнению Меринга, к области детских сказок.

«При всех своих недостатках и слабостях—пишет Меринг—капиталистическое общество является историческим продуктом, и если среди этих недостатков и слабостей, наиболее главным является тот, что оно не может обойтись без войны, как средства своего развития, то все же войны его тоже подчинены историческим законам. Они ведутся не скуки ради». И если некоторые приходят к этому ошибочному заключению, то только потому, что войны вспыхивают часто по самому незначительному поводу. В действительности же, такая война подготовляется всем историческим процессом, и тот или иной повод играет лишь роль того сотрясения воздуха, вызываемого прыжком серны, которое превращает накопившиеся массы снега в страшную лавину.

С этой точки зрения особенно ясной становится вся несостоятельность принципиального различия, которое хотят провести между наступательными и оборонительными войнами. Только с военной точки зрения еще можно провести различие между обороной и нападением, хотя, как показал Клаузевиц, и в военной сфере эти понятия сильно переплетаются; что же касается политической области, то тут оборона и нападение совершенно сливаются.

Значит ли это, что мы должны отказаться от всякой оценки уже вспыхнувшей войны? Нисколько. «Если — говорит Меринг — войны являются конфликтом интересов, которые не могут быть согласованы мирным путем, то исторический приговор над ними обусловливается не тем случайным обстоятельством, что прыжок серны привел лавину в движение с той или другой стороны, не таким второстепенным фактом, что дипломатия тут или там сумела в последний момент искусней смешать карты, а решением вопроса, победа тех или других интересов является полезнее для исторического прогресса».

Таким образом, Меринг приходит к тому же самому выводу, к которому пришел в своей статье «На рубеже двух эпох» А. П-ов. Совпадение вовсе не случайное. С той же самой точки зрения Меринг оценивал конфликт между Марксом и Лассалем в 1859 году—в своей «Истории немецкой социал-демократии» и в комментариях к литературному наследству Маркса—и пришел уже тогда к тем выводам, к которым приходит А. П-ов теперь, опираясь как раз на эти работы Меринга.

Как тогда, так и теперь, Меринг не видит принципиальной разницы между интернациональной точкой зрения Маркса и национальной точкой зрения Лассаля. Как тогда, при разборе конфликта между Марксом и Лассалем, как и в другом случае при разборе конфликта между Швейцером и Либкнехтом, так и теперь он не в состоянии отрешиться от преклонения перед совершившимся. С той только разницей, что тогда он имел дело с событиями, уже закончившими свой цикл развития, а теперь с событиями, находящимися еще в процессе «становления». И если тогда он решительно принял сторону Лассаля и Швейцера, то теперь Меринг ждет с своим суждением, пока история поставит окончательный приговор.

«Каждая воюющая страна—говорит он—утверждает в своем военном манифесте, что она защищает свои священные блага и объявляет покушение на эти блага другой воюющей стороной дерзновенным нападением,—и каждая, с своей точки зрения, поступает так с полным убеждением в своей правоте. Конечно, это убеждение может быть основано на ложных предпосылках, но это уже дело войны — внести корректив в эти ложные предпосылки и выяснить действи-

тельное положение вещей. Но уже заранее, на основании совершенно внешних и случайных масштабов, делить войны на справедливые оборонительные и несправедливые наступательные—и бессмысленно, и невозможно».

Это возражение, которое можно направить по адресу Зюдекума и Гейне, Плеханова и Давида, уже потому не может быть направлено против А. П-ова, что последний принципиально стоит на той же точке зрения, что и Меринг, или, вернее, у последнего и заимствовал ее. Он только последовательнее. Не вдаваясь в решение вопроса о том, является ли война оборонительной или наступательной, А. П-ов, признавая вместе с Мерингом, что необходимо решить вопрос, чья победа полезнее для исторического прогресса или, как он говорит, какой исход столкновения может представить наибольшие шансы тому делу, которое дорого всем нам, не откладывает этого решения, а, взвесив все pro и contra, приходит к заключению, что для исторического прогресса победа четверного согласия гораздо пользительнее. И тут он опять сходится с Плехановым.

Так же решительно, как он высказывается против критерия «оборонительной войны», Меринг выступает против наивной иллюзии, что можно помешать ей перейти в агрессивно-наступательную. В действительности, всякая война, уже по самой своей тенденции, является завоевательной.

«Столь часто встречающееся представление, что подвергшееся гнусному нападению государство может, после успешного отражения врага, опять вложить меч в ножны, удовлетворившись возвышенным сознанием, что оно победоносно выполнило свое правое дело, также является продуктом сказочного мира. Такие войны никогда не велись и не будут вестись—по крайней мере, пока существует классовое общество».

Этот категорический тезис и его дальнейшее раз'яснение, при помощи различных иллюстраций из новейшей истории, направлен, главным образом, против Каутского. Теперь уже известно, что после провала его предложения во фракции он пытался поставить голосование фракции за военные кредиты в зависимость от ряда определенных условий, которые гарантировали бы чисто оборонительный характер войны. Но и это в политическом отношении чрезвычайно наивное предложение было практиками провалено.

«Предположим, — отвечает теперь Мерінг Каутскому, — что главный министр воюющего государства действительно не желал никаких завоеваний, и какая-нибудь партия предлагает ему свое голосование за военные кредиты под условием, что не будут сделаны никакие завоевания, то он, как честный человек, все же ответил бы: если исход войны будет нерешительным, то мы не сделаем никаких завоеваний; еще меньше, если не будем побиты, но если мы победим, то я не могу взять на себя желательное для вас ручательство. Победоносная армия никогда не отказывается от завоеваний. Это может быть очень неприятно, но, при всех ее ужасах, война мыслит всегда очень радикально, и всякий, который протягивает ей даже не всю руку, а только палец, всегда рискует пережить очень неприятные вещи».

Правда, Каутский не питал таких иллюзий. Он хотел в большей степени связать большинство фракции, чем Бетман-Гольвега, но предложение его все же остается наивной иллюзией теоретика, желавшего поправить непоправимое. Последствия оказались еще более неприятными, чем ждал Каутский.

III.

Мы не будем подробно останавливаться на тех главах, в которых Мерінг делает экскурсию в область военной истории. Присоединяясь — попутно исправляя и дополняя ее — к той характеристике, которую Клаузевиц дает кабинетным войнам 18-го столетия, Мерінг подробно изображает переворот, вызванный в ведении войн великой Французской революции.

Войны, которые Французская революция вела от 1792 до 1815 г. были революционными войнами и оставались таковыми и тогда, когда революция в военной диктатуре Наполеона создала непреодолимое орудие против целого мира врагов. Но в них изживала себя буржуазная революция. Они представляли собою одновременно борьбу с Англией за господство на всемирном рынке и борьбу за буржуазную цивилизацию против феодального варварства. Если в первой борьбе Франция не вышла победительницей, то в ее цивилизаторской войне с феодальными континентальными державами победа осталась на ее стороне. По мнению Мерінга, главным виновником поражения и нападения Наполеона была французская буржуазия. «Революционные

войны все же создали новую Европу. Если прежде думали, что это обошлось слишком дорого, то теперь, вероятно, об этом будут иначе думать... Двадцать три года революционных войн причинили решительно меньше опустошений и разрушений, чем первый год современной всемирной войны».

Фаталистическая точка зрения Меринга особенно ярко выступает, когда он, на примере сепаратного мира, который заключила Пруссия с Францией в 1795 г., показывает «историческую необходимость» революционных войн. В то время, как, по его словам, от Ранке до Энгельса, все немецкие историки видели позор этого сепаратного мира в циническом презрении к данному слову, сам Меринг оценивает этот мир так, как отнесся бы теперь Плеханов к сепаратному миру между Россией и Германией или как он относился к нейтралитету Италии.

«Что покрывает этот мир неслыханным позором и заставляет видеть в страшном поражении при Иене справедливое наказание за него,—говорит Меринг,—так это именно отказ от войны в такое время, когда шла борьба за «высшие блага человечества». Это трусливая эгоистическая политика нейтралитета, уклонявшаяся от участия в борьбе великих исторических противоречий, в которой решался вопрос жизни и смерти».

Было бы интересно провести параллель между взглядами Жореса и взглядами Меринга на ту же эпоху. Мы нашли бы ту разницу, которая замечалась во взглядах на войну между Жоресом и Гэдом. Крайностям апологии мира, с одной стороны, соответствуют крайности апологии войны, с другой. Так и Меринг не делает никакого различия между революционными войнами 1792—1795 и их продолжением при Директории, Консульстве и Империи, когда они совершенно утратили свой первоначальный характер и осложнились целым рядом «реакционных» элементов, которые, как мы увидим ниже, он хорошо замечает в других якобы «прогрессивных» войнах 19 столетия, от 1815 до 1871 г.

Чтобы еще сильнее подчеркнуть свое отрицательное отношение к пацифизму, Меринг подробно останавливается на Кантовской утопии «вечного мира», этом «знаменитейшем манифесте буржуазного просвещения против войны», повод к которому дал все тот же позорный Базельский мир.

«В известном отношении буржуазное просвещение было только большой иллюзией, что, впрочем, не мешает ему, вопреки современным уничтожителям всех иллюзий (намек на Кунова, Д. Р.), быть всемирно-историческим явлением. Но такой иллюзией оно не было нигде в такой степени, как именно в своей борьбе против войны».

Беспощадно обличая все ужасы войны, буржуазное просвещение не имело, однако, никакого представления о причинах и сущности этого зла. «Оно старалось пронять этого непрошенного гостя всеми средствами человеческого красноречия, и нужно признать, что эту работу оно проделало самым основательным образом. За последние сто лет не высказано было ни одной мысли о необходимости мира и преступности войны, которую мы не могли бы найти в сочинениях Монтескье, Вольтера и Руссо, Канта, Фихте и Гердера».

Меринг прибавляет, что современный социализм и современное рабочее движение слишком много позаимствовали из этого «блестящего, но бесплодного наследства» и меньше всего освободились именно от наиболее слабой стороны буржуазного просвещения. «Если буржуазная критика ограничивалась по отношению к войне проклятиями или молениями, которыми средневековые монахи заклинали чуму или другие эпидемии, то пролетарская критика должна была исследовать войну, как врач, который прежде всего исследует действительные причины болезни, чтобы уже затем найти необходимое лекарство. Кое-что было сделано в этом направлении, но все же гораздо больше затрачено нравственного негодования против войны и слишком мало сделано по части действительного изучения войны. Задача состоит не в том, чтобы доказать моральное неразумие войны—об этом заботится сама война—а в том, чтобы познать исторический разум, который присущ ей в буржуазном обществе».

Меринг прекрасно понимает всю трудность этой задачи, состоящую именно в том, чтобы познать вещи, как они суть, без того, чтобы это познание перешло пределы, за которыми оно переходит в признание. И все же, как и в своей «Истории германской социал-демократии», в которой он походя превращается в оппортуниста задним числом, он и в своем познании войн прошлого переходит за те пределы, за которыми это признание трудно отличить от приятия.

Именно эта ошибка об'ясняет, почему Меринг ни прежде не умел, ни теперь не умеет разобраться в споре между Марксом и Лассалем в 1858 году и в споре между Либкнехтом и Швейцером в 1870 г.— тема, к которой мы вернемся в других статьях. Но Меринг уже ясно видит теперь, что в войнах 1859, 1866 и 1870—71 гг., имевшиеся налицо революционные элементы так тесно переплетались с реакционными, что только наивное невежество может окрестить их прогрессивными или национально-освободительными.

Имеются же люди, которые верят слухам немецких Зибелей и Трейчке, что война 1870—71 гг. была необходима, чтобы избавить немецкий народ—не от гнета Гогенцоллернов и других, их же имена ты, Господи, весн—а от угнетения двумя деспотами—Александром и Наполеоном!

Так и теперь Зюдекум и Ленш, Давид и Кунов, Лейтнер и Реннер уверяют себя и других, что современная всемирная война необходима была, чтобы избавить немецкий народ от угнетения двумя деспотами, Георгом и Николаем. Лучший способ скрыть свою революционную импотенцию за громкими фразами—метод, классические образцы которого можно найти в статьях Швейцера, переизданных недавно Рингом.

В основе разногласий между Марксом и Лассалем, Либкнехтом и Швейцером лежал простой факт: одна сторона еще не перестала рассчитывать на новый взрыв революции, другая, более тесно связанная с прусской действительностью, давно уже ликвидировала всякие надежды на революцию. Вопрос «чего нам ждать от революции» для последней окончательно сменился вопросом: «чего нам ждать от войны». В то время, как первая сторона сумела и тогда, когда революция снизу превращалась в «революцию» сверху, сохранить свое революционное достоинство и ни в каких случаях не вступать в компромиссы с господствующими классами, с такими носителями «национально-освободительной» войны, как Бисмарк, а тем паче превращаться в их апологета, вторая сторона сделала все возможное, чтобы стереть в глазах масс коренную разницу между революциями сверху, чтобы убить в них революционную энергию и, таким образом, укрепить «революционеров сверху». Разница между Лассалем и Швейцером была только разница в степени, а не в типе, и если Лассаль не доходил до такого угодничества пред верхами, то только потому, что он был более крупной личностью и не совсем еще

отделался от традиций 1848 года. И Меринг теперь уже приближается к этому пониманию, когда по поводу войны 1866 года пишет:

«Если революция была невозможна, то оставался только «кислый» выбор между победой австрийцев или победой пруссаков: Лассаль уже давно отказался от всяких надежд на немецкую революцию, и его преемники, правда, видели в победе Пруссии большое зло, но все же меньшее зло в сравнении с победой Австрии».

Меринг, таким образом, совершенно невольно вскрыл подоплеку спора между немецкими «ликвидаторами» и марксистами. Только там, где оппортунизм настолько силен, что «надежда на революцию» кажется утопией или иллюзией, где действенная роль в области внешней политики,—а внешняя политика неразрывно связана с внутренней,—переходит исключительно в руки господствующих классов, там не остается никакого другого выхода, как, говоря словами нашего талантливейшего «ликвидатора», использовать «революцию сверху» и, «определив, успех какой стороны открывает больше простора желательным для нас возможностям», поставить на службу «меньшему злу» демократическое общественное мнение. Повторяем, А. П—в вполне прав, говоря, что «лучший историк демократии, Франц Меринг» именно так и смотрит на дело.

Вернее, смотрел. Ибо, как мы уже заметили, у Меринг проглядывает сознание, что в лассалевской оценке не все было так ладно, как это ему казалось до войны. От него не могла скрыться полная аналогия между «национальной» и «ликвидаторской» точкой зрения Лассаля и патриотически-ликвидаторской точкой зрения «официальных инстанций». Он делает, поэтому, оговорку, направленную против Лассаля, но которая имеет теперь и общий интерес, так как совершенно неожиданно попадает в наших «пораженцев».

Энгельс и Маркс ошиблись и постольку, поскольку они предполагали возможность революционного движения в Германии — постольку предполагали непосредственную угрозу Германии со стороны франко-русского союза. В том и другом случае Лассаль правильнее оценивал положение [1]), но и его расчет, в конце-концов, осно-

---

[1]) Меринг не совсем прав, но в данном случае разбор тогдашнего международного положения нас не интересует. Как всегда у Меринга, кругозор его ограничен и на этот раз прусскими делами.

вывался на очень проблематичном предположении, а именно, что из тяжелого поражения может развиться революционное движение. Этот взгляд вообще очень распространен, но он уже часто приводил к тяжким разочарованиям. Сам Лассаль писал как-то раз в ходе своего спора с Марксом и Энгельсом: «Никогда наша династия не была так популярна, как в 1807 г., и нечто подобное может и теперь повториться». Он хотел этим сказать: если мы не употребим всех усилий, чтобы сделать в глазах массы эту войну непопулярной, то поражение еще теснее свяжет народ с династией. Прусская королевская власть вовсе не была популярной в 1807 г.; ненависть против привилегированной военщины была, наоборот, очень велика, но тяжелое поражение обессиливает прежде всего массы, и непосредственный гнет нужды, приносимой внешним врагом, действует слишком сильно, чтобы дать возможность развиться такому рассудочному убеждению, что собрат по несчастию, собственное правительство, является действительным виновником всех этих бед. Что доказывает 1807 год или, говоря общее, что доказывает Пруссия после Иены и до некоторой степени также после Ольмюца, что доказывает Россия после Севастополя, Австрия после Кенигреца—продолжает Меринг—так это факт, что тяжелые поражения государства могут повлечь за собой внутренние реформы, которые могут принести массам известные облегчения, но находят свой предел и завершение в том, что они снова укрепляют классовое господство, пошатнувшееся вследствие поражения. В 1815 г. господство прусского дворянства стояло на более прочной основе, чем в 1805 г. Война мыслит не только очень радикально, но и очень последовательно; она знает, что она мыслима только в классовом обществе, и всегда заботится о том, чтобы залечить раны, которые она наносит в то время, как она особенно охотно оставляет в дураках тех, которые отреклись от классового общества, а вместе с тем и от войны. Спекуляция на войну и ее результаты представляют для рабочей партии всегда очень обоюдоострую игру, и потому Энгельс, Маркс и Лассаль всегда избегали ее, если только конфликт между легальной и нелегальной революцией не ставил их в принудительное положение, которое ограничивало свободу их решения».

Меринг мог бы прибавить, что ставить себя добровольно в такое положение, когда рабочей партии приходится связывать свое дело

«победой» или «поражением», значит добровольно отказываться от единственной политики, которая была подготовлена теорией и практикой революционного марксизма: от «спекуляции» на международную социальную революцию.

Октябрь 1915.

К вопросу о „совместных выступлениях".

В своем ответе т. Лозовскому, по поводу совместимости сотрудничества в «Нашем Слове» и в «Нашем Деле», т. Мартов, между прочим, ссылается на «Kampf» и «Neue Zeit», в которых сотрудники «Нашего Слова» работают рядом со сторонниками социал-патриотизма.

Уже одна эта ссылка показывает, что т. Мартов смешивает две совершенно различные вещи: сотрудничество в интернационалистском журнале, с риском попасть в одну книжку с каким-нибудь социал-патриотом, и сотрудничество в социал-патриотическом журнале, быть может, с благими намерениями, но при полной невозможности попасть туда в качестве интернационалиста. Единственное сходство между «Нашим Делом», с одной стороны, и «Kampf»-ом и «Neue Zeit» с другой, сходство, которое отличает их от других упоминаемых т. Мартовым журналов, состоит в том, что они являются не частными органами, а органами определенных политических групп или партий.

Правда, и в рамках этого сходства между ними имеется существенное различие: «Наше Дело» является органом фракции, «Kampf» и «Neue Zeit»—центральными научными органами партии. И будь «Наше Дело» органом русских интернационалистов, как это неоднократно утверждал т. Аксельрод, то появление в нем статей социал-патриотов так же мало могло бы вызывать политическую путаницу, как появление статей социал-патриотов в «Kampf» и «Neue Zeit». Только недоросли или совершенные политические младенцы могли бы протестовать против того, что в органе определенной группы или партии, органе, который сумел отстоять свою интернационалистскую позицию в борьбе с центральной инстанцией, появляется время от времени статья члена той же группы или партии, написанная в социал-патриотическом духе.

Сущность вопроса, поэтому, заключается не в том, что в данном политическом журнале интернационалисты работают рядом с социал-патриотами, а в том, кто является «хозяином» в этом журнале. Если этим хозяином является интернационализм, то такие «совместные выступления», особенно, если они вызываются тем, что «хозяева», уже в силу партийной конституции, обязаны давать место всем членам партии—пока они еще не исключены—которые хотят высказаться по вопросам, затронутым редакцией,—вполне допустимы. Товарищи-большевики имеют полное право возмущаться такими порядками, но товарищи-меньшевики, поскольку еще можно говорить о таком течении, должны бы были понимать, почему «Neue Zeit» обязана печатать статьи Кольба или Давида, вернее, их возражения на статьи редакции, хотя рядом с «Neue Zeit» существует орган, в котором Кольб и Давид являются не только случайными гостями. Не случайность, ведь, что господа оппортунисты которым страницы центрального органа всегда были открыты и которые до войны свою поддержку конкурирующего с партийным органом частного литературного предприятия—«Socialistiche Monatshefte»—об'ясняли тем, что не могут писать в органе, редактор которого сопровождает каждую их статью «примечанием», как раз после начала войны начали особенно усердно писать в «Neue Zeit». Они уже в начале 1915 г. надеялись «вышибить» редакцию «Neue Zeit» и «Vorwärts», как им удалось в Штутгарте с ловкостью, которой могут позавидовать наши большевики, вышибить интернационалистов из «Schwaeb. Tagw». Не мытьем, так катаньем. И если еще до той же войны, в кругах, близких к «Neue Zeit», шутя говорили, что достаточно выругать Каутского последними словами, чтобы обеспечить принятие своей статьи—требуется только «прицепиться» к статье Каутского, помещенной в центральном органе партии, каким и до сих пор является «Neue Zeit»—то еще легче сделать это теперь, и мы уже были свидетелями, как Каутский отказался от возражения просто для того, чтобы избавиться от слишком «цепкого» оппортуниста, желавшего использовать свое право, как Шейлок свой вексель.

Только в том случае, если бы т. Мартову удалось доказать, что «Neue Zeit» и идейно ничем не отличается от «Нашего Дела», он мог бы, в свое оправдание, ссылаться на «совместные выступления» интернационалистов с социал-патриотами в этом органе. Апелля-

ция к цензурным условиям является совершенно никчемной. «Neue Zeit» до последнего времени находилась под двойной цензурой—военной и центрального комитета,—а с обратным переходом в Штутгарт попала из огня в полымя, т.-е. под надзор предварительной цензуры. А что и русские цензурные условия не мешают «молчать» о некоторых вещах и не заставляют петь социал-патриотические песни, показывает пример «Современника» и «Русских Записок».

Возьмем теперь «Kampf», совершенно неизвестный русским товарищам, что не мешает говорить о его «патриотизме» даже более осведомленным интернационалистам. А между тем именно история «Kampf'а» показывает, как надо быть осторожным в суждениях об иностранных товарищах.

Из «Манифеста австрийских интернационалистов» теперь известно, при каких ужасных условиях приходится работать в Австрии. Лишенная всякой возможности открыто высказать свою точку зрения, редакция «Kampf'а» могла это сделать в начале войны только путем полемики с «Arbeiter Zeitung» и рассылкой извещения читателям, что в вопросе о войне она продолжает стоять на той же позиции, которая была обоснована в двух статьях, написанных еще до войны: одна из них принадлежит Генриху Веберу (Отто Бауэру), другая—Густаву Экштейну.

Я очень жалею, что не могу подробно изложить обе эти статьи, но несколько цитат из них достаточно будет, чтобы показать т. Мартову, почему интернационалисты могут писать для «Kampf» хотя бы с риском встретиться там с каким-нибудь австрийским Левицким, Масловым или Потресовым, на аптекарских весах с точностью до одной тысячной высчитывающим все «сверхсметные грехи» царизма, хотя для этого достаточно и берковцев.

Так, уже в декабре 1912 г. Отто Бауэр писал:

«Царизм теперь уже не является «очагом законности» в Европе, он может считать себя счастливым, если ему удастся справиться с революцией у себя дома... Старая, враждебная по отношению к России, политика Интернационала потеряла свою важнейшую основу». И дальше: «как раз балканская война разрушила «республиканский» и «казацкий» союз, и конфликты современного империализма создали новые союзы, соединили государства без всякого отношения к их внутренним политическим условиям. Демократические государства Запада, Англия и Франция, являются теперь союзниками

царизма. Европа разделена на два лагеря... За какой из них должен сражаться социализм? За тройственный союз? Это значило бы высказаться за господство юнкеров и милитаризм в Германии, за Тиссу и Кувая в Австро-Венгрии, за виселицы в Триполи, за нападение на Сербию. За тройственное соглашение?..

Ни одна из этих групп не заслуживает симпатии Интернационала. Если та или другая из них посылает своих рабочих на поля сражений, то они должны проливать свою кровь за чуждые, им ненавистные, враждебные цели».

К сожалению, я сомневаюсь, чтобы в газете, издающейся в Париже, я мог цитировать другую статью—«Демократия и война против царя», в которой Экштейн, один из редакторов «Neue Zeit», еще в январе 1913 г., разоблачает всю гнусную подоплеку обмана, уже тогда подготовлявшегося немецкими и австрийскими антрепренерами всемирной войны с той только разницей, что факты давали им «несметное» количество подтверждений.

Если и этого недостаточно для т. Мартова, то пусть он прочтет новое обращение к читателям «Kampf'a», разосланное при последней (ноябрь-декабрь 1915) книжке:

«Страстная идейная борьба разгорелась в среде организованного рабочего класса. Из грандиозной и ужасной войны, которая обрушилась на массы, делаются самые противоречивые выводы. В связи с вопросом о будущих задачах социал-демократии, нам придется принять ряд решений, от которых зависит судьба нашего движения. И прежде всего нам нужна ясность.

«Kampf» служил этой задаче. Его деятельность во время войны нашла себе признание среди товарищей далеко за пределами Австрии. Он и дальше будет продолжать работать в этом направлении и освещать проблемы рабочего движения, руководствуясь принципами международной солидарности пролетариата, классовой борьбы, как его единственного метода и завоевания политической власти, как предварительного условия осуществления социалистического общества.

«Kampf» будет и дальше бороться со всеми попытками внесения буржуазных идей в рабочий класс. В особенности будет он выступать против попыток националистического разжигания вражды между народами и соблазнам империализма, который

старается при помощи призрачных мелких выгод приковать рабочих к господствующим классам, будет противопоставлять великие и действительные интересы рабочего класса.

«Kampf» будет стараться и в будущем оставаться тем, чем он был до сих пор: научным органом международного социализма в Австрии».

Понимает ли теперь т. Мартов, почему всякий интернационалист может сотрудничать в «Kampf'е», хотя редакция не может ему гарантировать, что в той же книжке не будет помещена статья какого-нибудь австрийского социал-патриота, хотя бы уже потому, что одним из редакторов журнала является Реннер, которого от наших социал-патриотов отличают—талант и знания.

Конечно—гораздо легче было бы вести «непримиримую борьбу» с социал-патриотами других стран, как это делали в Австрии Лейтнер и Аустерлиц, а своих оставить в покое, довольствуясь «рекомендацией» австрийским рабочим действий, «несогласных с социал-патриотизмом». Но хотя австрийские интернационалисты на Циммервальдской конференции не были и Кантом заражены больше, чем т. Мартов, они прекрасно знают, что только безнадежные метафизики могут отделять борьбу с капитализмом от борьбы с капиталистами, борьбу с патриотизмом от борьбы с патриотами и бок-о-бок с капиталистами или бок-о-бок с социал-патриотами вести «непримиримую борьбу» с капитализмом или социал-патриотизмом.

И все же я думаю, что мои коллеги по «Нашему Слову» должны судить «по человечеству». Если т. Мартов думает, что ему в будущем удастся с большим успехом «противодействовать внутри нашей организации враждебным интернационализму влияниям», то для него приходится сделать исключение уже просто потому, что он «организационно» совершенно иначе связан с «Нашим Делом», чем его коллеги по редакции. Гораздо легче не связываться с каким-нибудь органом или не войти в какую-нибудь организацию, чем разорвать с этим органом или выйти из организации, которой отдал свои лучшие силы. Захочет ли он использовать свое право после того, как даже редакция «Изв. З. С. О. К.» вынуждена теперь поставить «Наше Дело» на одну доску с «Призывом» и признать, что российский пролетариат, как она неточно выражается, был сбит с толку пропагандой Плеханова, «Нашего Дела» и т. д.,—это другой вопрос.

Январь 1916.

Роль Каутскаго в заседании фракции 9 августа 1918 г.

I.

С легкой руки Розы Люксембург—в ее статье «Восстановление Интернационала» [1])—обыкновенно утверждают, что Каутский 3 августа 1914 г. высказался в пользу голосования за военные кредиты. Статья эта была писана в начале февраля 1915 г., и Люксембург, которая была арестована 18 февраля, уже не могла исправить неточность, вкравшуюся в ее статью. Хотя Каутский еще 24 февраля в «Vorwärts'e» выступил с опровержением, Меринг, сделавший к статье Люксембург примечание, предпочел поверить противоположному утверждению «переучившихся» из «Hamburger Echo», и, таким образом, легенда о Каутском, рекомендовавшем голосование за военные кредиты, пошла уже невозбранно гулять за пределами Германии.

В последнее время вопрос о поведении Каутского в заседании 3 августа опять поднят был в печати. Для посвященных не было секретом, что за той частью оппозиции, во главе которой выступил Гаазе, стоит, как «советчик», Каутский. Чем интенсивнее шла «подпольная» работа Гаазе и его товарищей в рамках партийной организации, тем больше возростало ожесточение против Каутского в рядах социал-империалистов. Своего кульминационного пункта оно достигло, когда Каутский, подвергнув в двух нелегальных меморандумах беспощадной критике политику «официальных инстанций», выступил в «Neue Zeit» с требованием, которое член центрального комитета, Браун, назвал «теорией партийного раскола».

---

[1]) В журнале „Internationale“, апр. 1915 г.

А именно Каутский доказывал, что фракция обязана предоставить в дебатах рейхстага одно место оратору меньшинства, если не хочет, чтобы это меньшинство самовольно взяло себе это право. За это его в «Socialistiche Monatshefte» и других органах осыпали такой руганью, которая мало чем уступает истинно-русской ругани по адресу Каутского в статьях «Коммуниста».

Между прочим, известный и русским товарищам, как историк немецкой революции 1848 г., Блос выступил в «Schwaebische Tagwacht» (9 декабря) с утверждением, что Каутский предложил 3 августа фракции голосовать за кредиты, но взамен потребовать политических уступок. Несмотря на новое опровержение со стороны Каутского, Блос повторил свое утверждение и нашел нового союзника в лице пресловутого Ландсберга, который в письме в редакцию «Schwaebische Tagwacht» не только подтвердил сказанное Блосом, но привел еще новые доказательства.

В номере «Vorwärts'а» от 1 января 1916 г. Каутский отвечает опять, но на этот раз дает не только простое опровержение, но описывает подробно условия, при которых он выступил во фракции 3 августа.

«На заседании фракции, происходившем до обеда, я не присутствовал. Только во время обеденной паузы меня вызвали по телефону и пригласили придти на заседание и изложить свое мнение».

«Уже прежде я пришел к заключению, что лучшим выходом явилось бы воздержание. Но этот взгляд мой наткнулся у моих друзей на сопротивление, как тех, которые были за голосование, так и тех, которые были против. Я таким образом принял в соображение и тот случай, когда воздержание будет отвергнуто, и пришел к основной мысли того предложения, которое я сделал позже».

«Когда я приехал в рейхстаг, некоторые товарищи спросили меня, за голосование ли я или против, на что я ответил, что я за воздержание. Мне сказали, что это уже отвергнуто со всех сторон. Когда я хотел записаться, меня опять спросили, хочу ли я говорить за или против голосования и, когда я опять заявил, что за воздержание, мне ответили, что это недопустимо: записываться можно только за или против. Так как мое предложение, которое я хотел выставить в случае, если пройдет голосование за кредиты, сводилось к условному принятию, то я записался в список ораторов за голосование.

«Верно, что в ходе дебатов я поменялся очередью с другим оратором, но не с Франком [1]), а с Симоном. Франк говорил сейчас после меня и полемизировал со мной. Уже из этого видно, как надежна память Ландсберга.

В своей речи я излагал следующее: в виду неясности положения, я не могу взять на себя ответственности и советовать безусловно отвергнуть кредиты. Я заявил, что не пошел бы дальше, чем это сделали в аналогичном случае Бебель и Либкнехт, когда они в 1870 г. воздержались от голосования. Я и теперь предпочел бы следовать их примеру, но это бесполезно, так как дозволено говорить только за или против.

«Почему высказываются теперь против голосования? Потому что фракция в 110 человек не может так поступать, как маленькая кучка. Мне лично кажется этот аргумент несостоятельным, но если его принимают всерьез, то надо быть последовательным. Различие между 1870 г. и современным моментом заключается в том, что мы стали силой. Действительно, мы являемся ею, и потому мы должны выступить как сила, поставить правительству определенные условия относительно ведения войны и целей ее и только при принятии этих условий голосовать за кредиты. Вот что доказывал я 3 августа 1914 г. Об обязанности голосовать за кредиты я говорил так же мало, как и о требовании демократических реформ. Если Ландсберг в моих речах услышал нечто подобное, то вина лежит не на говорившем, а на слушавшем, которому такие идеи менее чужды, чем мне».

К этому изложению того, что было, Каутский прибавляет еще некоторые соображения, чтобы обосновать и разъяснить свою позицию.

«Правда, что я сослался на Жюль Гэда, но не для того, чтобы доказать нашу обязанность вотировать за кредиты, а потому, что я с ним согласен, что вражеское нашествие есть страшное несчастье, борьба с которым лежит и в интересах пролетариата.

Ландсберг, повидимому, думает, что со времени 3 августа я отказался от этого взгляда и таким образом круто «изменил» свои воззрения. В этом случае он ошибается. Еще в октябре 1915 г. я опубликовал в «Neue Zeit» статью «О внешней и внутренней политике», в

---

[1]) Так утверждает Ландсберг и делает из этого вывод, что Франк согласился на это, только потому, что знал, что Каутский будет говорить за.

которой я показал, что, даже в процессе войны, противоречия классовых интересов продолжают существовать с одним исключением.

«Только в одном случае мы встречаем тесную солидарность между всеми классами: когда дело идет об отражении вражеского нашествия. Вторгшийся враг не делает никакого различия между отдельными классами населения... Иначе складываются условия там, где войну ведут не для того, чтобы отразить вражеское нашествие, а для того, чтобы, при помощи насилия, достичь определенной политической цели. Способ ведения и продолжительность войны самым тесным образом связаны с задачами, которые ставятся ей».

«Это значит, что наше отношение к войне не может быть заранее определено. Оно зависит от характера войны, от задач, которые ей ставятся. Оно, следовательно, в ходе войны может измениться. Так в 1870 г. изменили свою позицию как немецкие, так и французские социалисты. Последние с провозглашением республики проповедывали сопротивление против вторгшегося врага до самой крайней степени, в то время как первые переменили свое одобрительное отношение, которое занято было большинством, на отрицательное.

С этой точки зрения остаюсь при убеждении, что наши французские и бельгийские товарищи находятся в совершенно другом положении, чем мы, и что, поэтому, их поведение в этой войне не может служить для нас путеводной нитью.

Поэтому, для меня на первом плане стояло требование, чтобы в запутанную ситуацию, как она выявилась 3 августа, была, прежде чем будет решен вопрос о кредитах, внесена ясность—как по отношению к характеру войны, так и по отношению к намерениям правительства».

На это Каутскому как в дискуссии, происходившей 3 августа, так и позднее, возражали главным образом двумя аргументами.

«Во-первых мне указывали, что и самые категорические уверения не прочнее паутины. Если ведущие войну действительно почувствуют, что эти уверения их стесняют, то они откажутся от них, и если бы они связали имперского канцлера, то он слетел бы. С этой возможностью считался и я, но она превращается в решающий аргумент только тогда, когда мы были бы партией, которая рассчитывает исключительно на непосредственный практический успех. Но мы ведь в то же время партия, которая занимается подготовкой будущего и пропагандой для него. Я предполагал, что для

социал-демократических партий во время войны важнейшей задачей явится пропаганда в пользу мира. А последняя значительно облегчалась бы, если бы мы могли ссылаться на определенные заявления правительства.

«К тому же и престиж нашей партии у масс в собственной стране и в интернационале был бы совершенно другой, если бы мы вотировали кредиты не без всяких оговорок, а под условиями, которые выявили бы нашу точку зрения.

С другой стороны, мне указывали, что правительство не может принять условия, которые мы должны поставить; даже если бы оно этого хотело, то оно, в этом случае, наткнулось бы на решительную оппозицию буржуазных партий, мы вынуждены были бы, поэтому, отклонить кредиты.

«Это было вполне верно, но меня нисколько не пугало. Что мне тогда казалось рискованным, было не отклонение кредитов, а их безусловное отклонение. Оно могло вызвать впечатление, что мы к вторжению врага в страну относимся совершенно индиферентно. Это не приходило в голову наверное ни одному из стоящих за отклонение кредитов, но с тех пор мы имели возможность убедиться не раз, что даже часть наших товарищей и теперь еще толкует отклонение кредитов именно в этом смысле.

«Но ситуация сложилась бы совершенно иначе, если бы мы заявили, что готовы голосовать за кредиты и если бы это голосование только потому оказалось невозможным, что правительство отказалось дать нам гарантии, которые мы считали необходимыми. Тогда отклонение кредитов потеряло бы для большинства какой бы то ни было характер акта, направленного против самозащиты.

«Произвести пробный опыт оказалось невозможным. Мое предложение не встретило сочувствия. Повторить его при другом случае не имело смысла, после того, как оно уже было раз провалено. При следующих голосованиях кредитов мы, конечно, могли говорить только: да, да или нет, нет. Кроме того уже выяснилось многое, что 3 августа было неясно и неопределенно. Этим диктовалось мое положение. В дебатах, которые предшествовали 2 декабря 1914 г., я стал решительно на сторону меньшинства.

А в настоящее время ход событий привел к решению, которое похоже на сделанное мною 3 августа предложение. В последнем заседании рейхстага принятию решения по вопросу о кредитах пред-

шествовала интерпелляция, обращенная к имперскому канцлеру, и ответ последнего определил голосование наших товарищей. Нечто подобное я предлагал сделать 3 августа, но я имел тогда в виду не робкий вопрос, а выставление определенных условий».

II.

Против аргументации Каутского можно многое возразить. Не только против его мотивировки предложения, которое он сделал 3 августа, но и против тех соображений, которыми он и теперь подкрепляет его. И в том единственном случае, в котором, по его мнению, существует тесная солидарность между всеми классами, угнетенные классы, а в нашем случае пролетариат, только тогда не оказывались одураченными, когда власть принадлежала им, и дело обороны находилось исключительно в их руках. Наоборот, и в эти моменты продолжалась борьба классов, и прежде господствовавшие классы вынуждались, лишь при помощи диктатуры угнетенных классов, отдавать свои средства и силы на защиту отечества, но отечества не старого режима, а нового.

Не верно также утверждение Каутского, что если в 1870 г. изменилось отношение большинства немецких социалистов к войне уже в самом процессе ее, то это может служить оправданием для колебаний и шатаний, проделанных партиями второго Интернационала. Именно поведение Либкнехта и Бебеля показывает, что их практика — хотя ее теоретическое обоснование не всегда было безупречно — была последовательна от начала до конца. Ни на минуту не взяли они на себя ответственность за акты господствующих классов, и в то время, как протест части эйзенахцев и швейцарцев против завоевательной политики Германии логически не вытекал из их прежнего положения и был актом политической непоследовательности, исправлением допущенной политической ошибки, как это признали после наиболее искренние среди них, Либкнехту и Бебелю не приходилось ни изменять свое поведение, ни изменять своему прошлому.

Каутский приводит аналогию между поведением современной единой германской партии и единой французской партии с поведением тогдашних разрозненных и разъединенных социа-

листических групп в Германии и Франции. Но именно потому и несостоятельна такая аналогия: разница в поведении, которая была вполне понятна при наличности различных групп и отсутствии исторического опыта, не может служить оправданием для разницы в поведении одной и той же группы или партии. Повторение ошибки, бывшей при старых исторических условиях трагической, грозит сделать ее комической.

И опять-таки: именно потому, что Каутский не принял во внимание старый исторический опыт, он мог сделать свое кабинетное предложение. И в 1870 г. правительство заявило—и это заявление было неоднократно повторено—что оно ведет только оборонительную войну. Всякое другое заявление было бы немыслимо, ибо без него нельзя было бы создать благоприятной психической атмосферы. И Бетман-Гольвег мог бы отвергнуть предложение не потому, что оно его связало бы, а просто за ненадобностью, ибо оно уже сделано было как в его речи, так и в речи Вильгельма. Конечно, для стран четверного согласия уже самый факт объявления войны Германией указывает на ее наступательный характер, но для самих немцев это казалось только необходимым превентивным актом, нисколько не устраняющим оборонительного характера войны.

Как бы то ни было, пора рассеять легенду, которая пошла гулять с легкой руки Люксембурга и Меринга: Каутский с самого начала не стоял в рядах немецких социал-патриотов, а с декабря он решительно становится на сторону оппозиции. Пусть он в своем стремлении примирить крайности, заходил подчас слишком далеко—грех, в котором он был повинен с тех пор, как начал принимать деятельное участие в интернациональных конгресах, в особенности со времени второго парижского конгресса—но он ни на одну минуту не стал на скользкую почву той политической бухгалтерии, которая сверхсметными грехами» чужих правительств хочет оправдать «непротивление» своему. Защищая—часто не по заслугам—французских и английских социалистов от критики немецких и австрийских социал-патриотов, которые с негодованием поносили «союзников царизма», он, в отличие от тех русских интернационалистов, которые думают, что «вера не нуждается в делах«», ведет уже целый год неутомимую—литературную и устную—борьбу против немецких социал-империалистов и социал-патриотов. Если, высказываясь решительно против Burgfrieden'а

внутри государства, он в начале проповедывал Burgfrieden внутри партии, то он поступал так же, как старый Либкнехт, который отстаивал от центрального комитета эйзенахцев право меньшинства отстаивать свое мнение. Каутский отстаивал права меньшинства от того большинства, которое уже в начале 1915 г. сделало решительную попытку заткнуть рот всем «смутьянам», в том числе и «Neue Zeit» и «Vorwaerts'y».

На упрек, что «Neue Zeit», со времени начала войны, стала чересчур немецким локальным журналом, Каутский ответил (9 февраля 1915 г.) пишущему эти строки следующим образом:

«Прежде всего я должен заметить, что мне в голову не приходило редактировать «Neue Zeit» с чисто немецкой точки зрения. И как редактор, и как сотрудник я прежде всего имею в виду Интернационал. Но читатели—и это показал мне опыт—за моими выводами всегда ищут немецкие условия и применения. И думают, что я говорю о Шейдемане, когда я хочу показать, что Вальян и Гайндман, или Гэд и Вандервельде не перестали быть социалистами.

«В вопросе о войне обыкновенно смешивают два вопроса: 1) какая позиция является правильной и 2) какая позиция соединима с нашими принципами. Правильной может быть только одна, соединимой же с нашими принципами несколько. Нельзя, поэтому, всякую позицию, которую считают ошибочной, сейчас же объявить противоречащей нашим принципам. Социалистически поступает тот, кто свое отношение к войне ставит в зависимость от ответа на вопрос: что необходимо требуется интересами всего международного пролетариата?

«Если Гайндман и Вальян думают, что эти интересы требуют поражения врагов, то они не поступают несоциалистически, и также мало поступают несоциалистически Самба и Гэд, когда они требуют, чтобы Италия отказалась от своего нейтралитета, если они убеждены, что война таким образом сокращается и общее пролетарское дело выигрывает.

«С другой стороны я так же мало могу считать несоциалистическим или партийной изменой или изменой интернациональным принципам, если немецкие товарищи думают, что интересы международного пролетариата требуют уничтожения царизма.

«Совсем другой вопрос, правильно ли все это. Я лично считаю все эти умозаключения ошибочными. Но дискуссия принимает совер-

шенно другой характер, если спор ведется только о том, ошибочно ли данное мнение или нет, или о том, выбросили ли все принципы за борт. Если согласиться с некоторыми критиками, тогда вся социал-демократия в Западной Европе, поскольку она втянута в войну, оказалась безхарактерной бандой, за исключением дюжины людей. Конечно, для этой дюжины такой взгляд является очень лестным, но для других, которых интересует вопрос о деле, а не о лицах, такой взгляд был бы убийствен—если бы он был верен.

«На чьей же стороне находится в этой войне интерес всего международного пролетариата? Я придерживаюсь того же взгляда, который развивал в своей, теперь так часто цитируемой, статье 1892 г. Энгельс: Он опасался военного триумфа Германской империи, но не в меньшей степени военного триумфа Франции и в особенности России».

В этом признании мы находим ключ к объяснению позиции Каутского. Вот уже скоро 20 лет, как ему приходится в международном социалистическом движении играть ту роль, которую играл прежде Энгельс, роль посредника и «примирителя» между различными секциями Интернационала. Привычка объяснять особенности тактики в отдельных странах из особенных исторических условий этих стран, стремление, связанное с этой привычкой, проводить различие между принципом и тактикой, особенно ярко сказавшееся еще в резолюции 1900 г. о министериализме, убеждение, что мыслимы различные тактические позиции, которые при их неодинаковой правильности, все же одинаково соединимы с принципами—все это помогало Каутскому в тех случаях, когда надо было отыскать формулу, которая предупредила бы возможный раскол. Но, в отличие от Энгельса, который, по самому своему положению, был интернационалистом и должен был считаться только с интересами всего Интернационала, Каутский был всегда тесно связан с немецкой партией и, как лично, так и как редактор «Neue Zeit», должен был считаться с местными, локальными условиями. Пока во главе партии стояли Зингер, Либкнехт, Бебель, пока в партии живы были старые интернационалистские традиции,—правда, уже при жизни Бебеля ярко прокидывалась новизна, с которой великий практик уже не мог бороться с достаточной энергией,—внутренние противоречия в позиции Каутского проступали еще не особенно ярко, хотя уже в эпизоде с его статьями, соединенными после

в брошюру «Путь к власти», когда он имел против себя не только профессионалистов, но и Бебеля и Зингера, они сказались достаточно резко, показывая, как трудно примирить безоговорочное высказывание принципов с тактическими требованиями, с соображениями политической целесообразности, в особенности когда они рассматриваются сквозь призму интересов одной части Интернационала, хотя бы наиболее крупной. А в то же время лидеры других частей этого Интернационала, Адлер, Жорес, Вандервельде, Гайндман, Турати—и зачастую не без основания—видели в Каутском только официального теоретика немецкой социал-демократии и, во всякой попытке его подвергнуть даже самому осторожному критическому анализу акты и изъявления соответственных частей Интернационала, видели непрошенное вмешательство теоретика немецкой партии, что им не мешало использовать его, когда им это нужно было, в борьбе против своих противников слева или справа.

Что же удивительного, что с объявлением войны, отгородившей различные части Интернационала, уже и до этой войны склонные видеть в интернационализме только парадную пристройку к национальным партиям, непроницаемыми перегородками друг от друга, все противоречия позиции Каутского сказались с особенной силой. Верный своей старой роли посредника между различными частями Интернационала, он старается доказать немцам и австрийцам, что французы и англичане не изменники [1]), что они по своему правы, что они остались верны принципам Интернационала, что отказывать им в звании социалистов нельзя, и вдруг к своему удивлению замечает, что его защиту иностранных товарищей принимают за защиту немецких, которых эти самые иностранные товарищи на основании тех же самых принципов Интернационала обвиняют во всех смертных грехах. Более того. В этой защите иностранных товарищей от Шейдеманов и Аустерлицов, не замечавших своего добровольного лакейства пред своими правительствами и возмущавшихся от всей души французами, вступившими в министерство,

[1]) Только после войны можно будет показать, что убеждение немецких и австрийских товарищей, что именно английские и французские социалисты являются самыми большими изменниками делу Интернационала, не уступало по своему фанатизму такому же убеждению французов и англичан. Что может быть более курьезно, чем страстный протест Лейтпера и Реннера против их уподобления Гайндману?

увидели свою защиту от нападений более левых, как раз Шейдеманы и Аустерлицы.

Уже это недоразумение, которое скоро обнаружилось, показало, что в позиции Каутского крылась какая-то ошибка, что она в лучшем случае приводила к тому взгляду—все правы, все виноваты—который может иметь значение с точки зрения бесплотной абстракции, но который даже исторически совершенно бесплоден: история все же делается людьми и является результатом борьбы не между принципами, а между людьми, и кто хочет бороться с социал-патриотизмом, не может избежать борьбы с социал-патриотами или с социал-империалистами.

И Каутский это заметил уже очень скоро после того, как он писал цитированное мною письмо. Он вступает в борьбу и с социал-империалистами, вроде Виннига, Ленша и Кунова и с социал-патриотами, вроде Давида, Гейне и Кольба, и — что для него, по всему его прошлому, труднее всего—с центральными учреждениями партии, опирающимися на для них незыблемое постановление всех национальных и интернациональных конгрессов, что «защита отечества» составляет обязанность пролетариата.

Первый, и самый важный, шаг сделан. И уже в процессе этой борьбы с социал-патриотами и с социал-империалистами выяснится и для него самого, что если он совершенно прав, когда протестует против того, что стараются объявить второй Интернационал игрушкой в руках безхарактерных и беспринципных вождей, то всякая попытка доказать противникам, что именно они нарушают принципы этого Интернационала уже потому окажется бесплодной, что в наследстве второго Интернационала имеется много положений, полная несостоятельность которых окончательно обнаружилась при свете настоящей войны.

И полемики Каутского против Кунова по вопросу об условиях восстановления Интернационала позволяет нам надеяться, что он примет деятельное участие и в деле критического пересмотра теоретического наследства второго Интернационала.

Январь 1916.

Теория и практика гвоздевщины.

I.

В номере 15-м «Нашего Голоса» опубликована декларация рабочей группы, прочитанная Гвоздевым в заседании центрального военно-промышленного комитета 3 декабря 1915 г. Трудно себе представить что-нибудь более беспомощное и жалкое в принципиальном отношении, чем эта окрошка из яко бы демократических фраз и марксистских тезисов, являющаяся результатом «самостоятельных» потуг русской социал-демократической мысли после 16 месяцев войны, после Циммервальдской конференции.

Авторы-теоретики «организованного мнения меньшевиков» не решились стать на определенную оборонческую точку зрения—отечество в опасности, и мы его защищаем!—ни на определенную анти-милитаристскую» точку зрения. Они, в настоящее время, не желают брать на себя ответственности за оборону страны, но в то же время, «оставаясь на своей международной позиции» они «не могут быть безразличными к нынешнему положению страны», ибо, «кровно, более чем имущие классы, рабочий класс заинтересован в спасении страны от разгрома и гибели». И все же, не добившись от Гучковых и Рябушинских категорического отказа от всех планов «разгрома и гибели» других стран, закрывая глаза на «разгром и гибель», которые грозят национальному «автомобилю», попавшему в руки «помешанного шоффера», они идут в военно-промышленные комитеты, задачей которых является подготовка «разгрома и гибели» других стран, организация победы. Они, конечно, не желают ни «впадать в самообман, ни обманывать народ».

Точно также—говорит декларация—не можем мы, рабочие, взять на себя ответственность за работу центр. военно-промышленных комитетов. Являясь по существу организацией крупно-промышленной буржуазии, руководимые испытанными вождями боевых организаций

капитала, в.-пр. комитеты, в которых представители труда будут находиться в ничтожнейшем меньшинстве, не могут внушать рабочим и всей демократии уверенность в том, что даже узко понятые комитетами задачи обороны, сводящиеся к технической мобилизации промышленности, осуществляются ими действительно без ущерба для интересов страны. В этом недоверии утверждает нас вся деятельность в.-пр. комитетов, и в особенности их рабочая политика, направленная единственно к привлечению дешевого труда, к отмене и без того скудных и плохо соблюдавшихся законов по охране труда, к искусственному насаждению так называемого «желтого труда» путем ввоза законтрактованных китайских и японских рабочих, к мобилизации рабочих".

И если они все-таки решили принять участие в этих организациях, то «единственно потому, что они считают своим долгом отстаивать в этих учреждениях наше понимание интересов страны и наше понимание путей спасения ее от гибели, а также для того, чтобы энергично отстаивать интересы рабочих от всяких покушений на их завоевания и всячески содействовать «организации рабочих!».

Бедные пошехонцы, заблудившиеся в трех соснах—использования легальных возможностей, борьбы за коалицию и «подталкивания» буржуазии! Военно-промышленные комитеты, эта классовая организация крупного капитала, кровно заинтересованного в разгроме Германии и в то же время выкачивающего колоссальнейшую сверх-прибавочную стоимость из русского рабочего народа—в роли «споспешествователей» рабочих организаций! А ведь авторы этой декларации наверное смотрят сверху вниз на германских Легинов, которые, ради чечевичной похлебки, ради сохранения своих организаций, заключили мир или перемирие со своей буржуазией, со своим правительством, которое, правда, избавило их от всяких забот по части снабжения армии необходимой амуницией.

Правда, наши пошехонцы не «навсегда» пошли в эти комитеты. Враги «декларативных» заявлений, приверженцы «длительной» практической деятельности, они заявляют Гучковым и Рябушинским—со всей гордостью и решительностью защитников интересов рабочего класса!—что они останутся в комитетах только в том случае, если всероссийский рабочий съезд одобрит их совместную работу с «организациями крупного капитала» во имя спасения отечества от «гибели и разгрома».

Именно, поэтому, они требуют от Гучковых и Рябушинских, чтобы те помогли им в осуществлении этой насущной задачи российского пролетариата. Такое трогательное доверие к своим классовым противникам, такое безграничное политическое благодушие могли бы исторгнуть слово сочувствия даже у каменных людей, не только у таких просвещенных представителей русского—не немецкого, боже храни—капитала, как Гучков, Коновалов и Рябушинский.

Нужно быть безнадежным доктринером и самым «примитивным бойкотистом», чтобы в те дни, когда нашему отечеству, в спасении которого от «разгрома и гибели» рабочий класс заинтересован кровно, более чем имущие классы, грозит опасность «потерять» Польшу, чтобы в эти дни великой смуты заподозревать чистоту намерений наших Мининых. Только люди, до сих пор не понимающие значения коалиций для рабочего класса, могут утверждать, что, допустив рабочее представительство в свои организации, Гучковы и Рябушинские воздвигли более прочную преграду возможному росту экономического движения среди рабочих, которые, забыв «свой долг и честь», могли бы потребовать части сверхсметных прибылей,—более прочную, говорим, преграду, чем могут сделать миллионы экземпляров «Призыва» и плехановского «Воззвания к трудящемуся населению». Обещая Гвоздевым и Гудковым способствовать с своей стороны созыву рабочего съезда – помогли же они созвать новое собрание питерских выборщиков—они, пока что, обеспечивают промышленный мир своим предприятиям так, как это никогда и не снилось Ллойду-Джорджу, вынужденному, как чорт перед заутреней, изворачиваться на все лады, чтобы утихомирить английских рабочих, которые, в отличие от русских широких натур, знают, что время—деньги и нахально требуют прибавки.

Если бы мы не были сынами Пошехонья, если бы не поразительно низкая ступень нашего культурного развития, которая так ярко вскрылась во время этой войны, если бы не это кричащее противоречие между колоссальнейшими аппетитами нашей империалистической буржуазии и ее жалкими политическими и экономическими ресурсами, то те же «примитивные бойкотисты» могли бы сказать, что наши Гучковы и Рябушинские согласились разыграть эту комедию и в своих политических целях: что, желая повести «борьбу за власть», они нуждаются в поддержке рабочих масс, чтобы в случае, если «всемогущая бюрократия» или «дворянские сынки»

будут артачиться и откажутся осуществить «либеральную» программу прогрессивного блока, припугнуть их бесчисленными «рабочими батальонами».

Наши горе-социал-демократы все же чувствуют, что они, в своем несокрушимом оптимизме, пересолили, что пока, с разрешения Хвостова и Белецкого, будет созван рабочий съезд для решения вопроса, способствовать ли войне, или нет, роса очи выест, от них отвернутся и те рабочие, которые, в своем примитивном и квасном патриотизме, поверили им, что, в союзе с Гучковыми и Рябушинскими, они скорее добьются «свободы коалиций» и в придачу спасут отечество «от гибели и разгрома». Ибо трудно более скомпрометировать идею рабочего съезда, чем это сделали Гвоздев и его товарищи.

Они, поэтому, считают необходимым дать следующее торжественное обещание.

«Если же мы убедимся в том, что тесному общению с нашими выборщиками и со всей рабочей массой, а также с рабочими других городов нам будут ставиться непреодолимые преграды, если мы убедимся в том, что наша деятельность печатью систематически замалчивается или извращается, что в нашем лице желали иметь лишь статистов для комедии объединения, а не действительных представителей рабочего класса России, на своих плечах выносящего наибольшую тяжесть, обрушившихся на страну бедствий—тогда мы вернемся к нашим избирателям и вместе с ними сделаем тот вывод, который для нас явится тогда единственно возможным».

Но сколько же времени должна еще российская действительность оглушать по голове этих представителей рабочего класса—носителей «европейских форм рабочего движения»—пока они убедятся во всем том, что не видят только слепые, чего не слышат только глухие?

Нет более безнадежных утопистов, чем так называемые «практики». Миллионами жертв, океанами крови ответила капиталистическая действительность тем международным «практикам», тем «реалистам», которые до этой войны с зачастую фарисейским негодованием отвергали всякую мысль о политических действиях, связанных с пролитием хотя бы «капли рабочей крови»! А наши пошехонские реалисты с ясным лбом становятся теперь на отечественную точку зрения, твердят массам старую сказку о «разгроме и

гибели», и все для того, чтобы обеспечить себе возможность заниматься все той же реальной «активной политикой». Нет того грязного болота, в которое они отказались бы полезть, из страха остаться «в нетях».

II.

Но если история гвоздевщины показывает только лишний раз, в каких темных дебрях может заблудиться «бедная русская мысль», как слабы революционные традиции пятого года в тех слоях рабочего класса, которые, в эпоху контр-революции, сосредоточили все свои помыслы на непосредственных, узко-классовых задачах рабочего движения, какой несокрушимой силой обладают еще старые шаблоны, выработанные в старые годы, как механически применяются эти шаблоны в совершенно изменившихся условиях национальной и международной действительности,—если, при виде этой теоретической беспомощности и политического младенчества, можно было бы ограничиться констатированием самого факта и попыткой объяснить его застарелые навыки фракционного прожектерства и отсталостью определенной среды,—то нельзя не протестовать самым решительным образом против попыток, в интересах своей фракции, эскамотировать (недобросовестно захватить) представительство всего петроградского пролетариата и еще больше—всего российского пролетариата.

Декларация гвоздевщины, выработанная в полном согласии с «организованным мнением меньшевиков», начинается следующим заявлением:

«В полном сознании своих международных пролетарских обязанностей и своей великой ответственности перед рабочим классом России и перед всей страной, приступаем мы к нашей деятельности, как представителей петроградских рабочих и временно всех рабочих России в центр. военно-промышленном комитете».

Вероятно, и Коновалову нужна была вся его воспитанность, чтобы не расхохотаться в лицо Гвоздеву, когда последний «в полном сознании своих международных пролетарских обязанностей» совершал это насилие над правдой.

Мы не будем останавливаться на позорной эпопее вторых выборов в центр. военно-промышленный комитет.

Несправедливо было бы однако возлагать всю вину на Гвоздева. Пусть представители того коллектива, который стоял за ним, огласили свой протест против его—как бы помягче выразиться?—«информационного» акта. Но, фарисейски умыв руки, они не отказались использовать этот акт в интересах своей фракции, они не остановились перед расколом петроградского пролетариата. Они прекрасно знали, что, при господстве хвостовщины, исключена всякая законность выборов, они не могли не знать, что у охранки есть тысячи способов либо не доставить определенное число повесток, либо припрятать тех, для кого эти повестки предназначались. Но они так же легко перешагнули через протест 72-х выборщиков, оставшихся верными знамени интернационализма после того, как полиция произвела первое «размежевание» между овцами и козлищами. Специалисты по части фарисейских протестов против «межевательства» и «раскольников», они не остановились перед расколом петроградского пролетариата, они не побоялись провести глубокую межу между русским рабочим движением и международным.

Более того, они не остановились даже перед расколом в своей фракции, они ни на минуту не поколебались заклеймить кличкой «бойкотистов» и своих товарищей меньшевиков-интернационалистов, которые отказались от всякой «органической работы» в военно-промышленных комитетах.

В том же № 15 «Нашего Голоса» мы читаем следующие строки:

«Общий итог обмену мнений (по вопросу об участии в военно-промышленных комитетах) был сделан редакцией в статье Б. Иванова—«Торжество активной политики», и теперь, когда перед рабочими кругами стоит вопрос уже не о том, какая должна быть тактика и характер деятельности рабочих в военно-промышленных комитетах, мы считаем себя в праве признать обмен мнений по первому вопросу законченным».

К сожалению, мы не имеем возможности, за недостатком места, изложить статью Б. Иванова, в которой празднуется победа «марксистского» патриотизма над примитивным бойкотизмом. Мы предпочитаем предоставить слово рабочему меньшевику, ответ которого на эту статью помещен в только что полученном 16 № «Нашего Го-

лоса» от 23 января н. ст. 1916 г. Она называется «Не забывайте уроков прошлого» и подписана Сероблузкиным.

«Не успело возрождающееся массовое движение—пишет он—наметить даже самые тончайшие штрихи своих будущих действий, как некоторые из весьма уважаемых товарищей спешат уже преподнести нам готовые выводы.

«Такое именно впечатление получается от статьи тов. Б. Иванова («Торжество активной политики»). Это самое торжество т. Иванов видит в факте избрания представителей от рабочих в военно-промышленные комитеты Петрограда и Москвы. И по старой «привычке» противопоставляет эту «активную политику идеологам» современного бойкотизма.

«При такого рода противопоставлении совершенно не принимаются во внимание «бойкотисты» новой формации, которые имеются в настоящее время в той же самой меньшевистской среде. Между тем, среди этих последних не мало довольно таки испытанных в борьбе товарищей. Кстати сказать, таким же своего рода «бойкотистом» является целый рабочий ответственный меньшевистский коллектив такого крупного центра, как Петроград.

«Забывая о наличности таковых и не принимая их вовсе во внимание, упомянутый товарищ торопится поскорее подвести итоги новой победе. По его мнению, факт выборов знаменует собою победу лозунгов над старыми нашими бойкотистами.

«Сводить только к этому самый факт выборов, игнорируя «бойкотистов» в своей же среде, это значит, не хотеть учитывать весьма многих явлений. То, что кампанию по выборам, напр., в Петрограде начали меньшевики, что они фактически явились единственными руководителями и вдохновителями ее, отрицать никому не придет в голову. Но ... если говорить о том же Петрограде, то нельзя не принять во внимание, что взявший на себя инициативу кампании ответственный меньшевистский рабочий коллектив имел в виду несколько иную постановку основного вопроса современности и полагал возможным найти иную форму политического оказательства широких масс.

«Но дело не только в этом, ибо, в конце концов, и те, и другие меньшевистские группы нашли точки соприкосновения, если не по

основному вопросу современности, то в вопросах организации широких масс.

«Дело заключается еще в том, что тов. Иванов, повидимому, совершенно не желает считаться с довольно компактной группой в 72 человека, заявившей активный протест против выборов. И, торжествуя победу, он даже на минуту не задумывается, что это не 72 случайных лица, а 72 представителя.

«Конечно, сторонники выборов могут опираться на большинство, сложившееся на собрании. И с этой точки зрения, пожалуй, можно говорить о победе.

«Но . . . иное дело там, в массе . . . Только те, кто с птичьего полета заглядывает туда или смотрит чрез «очки» хорошо прилаженных выводов, могут не замечать нарастающей стихии.

«Там в массах (я говорю о Петрограде) в настоящее время самым популярным лозунгом является не коалиция, а коренное переустройство».

Кто же и кого «победил» на вторых выборах? Меньшевики большевиков или оборонцы одинаково меньшевиков и большевиков? Кто в состоянии теперь сказать, что «Призыв» не прав, когда утверждает, что на вторых выборах одержали победу его единомышленники и его союзники? Какая разница между теми меньшевиками—безусловными оборонцами, которые проводили «в темную» выборы, в Москве и теми — тоже «организованными» меньшевиками, которые в Питере, вопреки воле первого собрания выборщиков, вопреки 72 представителям, оставшимся после экстренной полицейской «разгрузки», вопреки ясно выраженной воле «бойкотистов» меньшевиков, всего рабочего ответственного меньшевистского коллектива, приняли, после Циммервальдской конференции, участие в этих «демократических» выборах? До какой же степени дезорганизованности должна была дойти русская часть августовского блока, чтобы в то время, как его представители за границей направо и налево всех уверяли, что у нас, не в пример Западным Европам, «все обстоит благополучно», что даже в возникновении «Призыва» виновно только банкротство немецкой социал-демократии, чтобы, в это время, в союзе с Гучковыми и Рябушинскими с благосклонного разрешения Хвостова, организовать и провести позорную комедию гвоздевщины?

Наивные люди из этого же августовского блока надеются, что их «единомышленники» не преминут «убедиться» и «уйдут». Но до-

статочно прочитать последние №№ «Нашего Голоса»—в числе его сотрудников мы рядом с Череваниным, Левицким, Булкиным находим Дана, Кольцова, а в последнее время и Мартова—чтобы убедиться наоборот, что окисты собрались устроиться в военно-промышленных комитетах надолго или по крайней мере, до того времени, когда... Хвостов разрешит им созвать рабочий съезд.

III.

В статье, в которой В. Ежов подводит итоги рабочему движению за 1915 г., он пишет:

«Это позволяет надеяться, что в ближайшее время значительно усилится активность рабочего авангарда, нашедшего, наконец, после многомесячного замешательства, точку приложения своим силам. Громадную роль смогут в этом смысле сыграть рабочие группы военно-промышленных комитетов. Намеченная столичными группами программа действий не оставляет желать лучшего—настолько она всеобъемлюща, действенна и отзывается на все основные вопросы дня».

Т. Ежов знает, конечно, что есть при этом маленький риск.

«Налицо одна лишь опасность—ненужное и, в нашей обстановке, вредное окрашивание этой программы в «защитный» цвет. Такое окрашивание вместо того, чтобы втягивать передовые рабочие круги в повседневную общественно-политическую работу, способно лишь отталкивать их и усиливать их пассивность»...

Но он глядит вперед без боязни и в надежде славы и добра, со всем тем маниловским оптимизмом, который составляет характерную черту и заграничных Панглосов из августовского блока, кончает свою статью следующими словами:

«В 1916 г. русский пролетариат вступает с задачей шире развернуться на арене политической жизни и всемерно усилить свое организационное строительство. Ближайшим этапом в решении этой задачи является участие в военно-промышленных комитетах и созыв в связи с этим участием рабочего съезда.

И вот что пишет в том же № 16 Р. Герман, выражающий взгля-

ды редакции, в статейке, приглашающей самарских рабочих принять участие в выборах в военно-промышленный комитет.

«Теперь, после долгой и упорной борьбы в наших рядах представителей различных точек зрения, после вхождения петроградских, московских, киевских и др. рабочих в военно-промышленные комитеты и выявления тех широких перспектив в деле сплочения и выявления нашей позиции, которые развернулись пред рабочими всей России, после самой непродолжительной работы рабочей группы центр. воен.-пром. комитета, для нас ясна та позиция, которая дает максимум возможностей для выхода из дезорганизованного состояния, в котором все еще находится рабочий класс России».

Т. Над, авторитет которого, по всей видимости, освятил участие во вторых выборах, писал в своей статье в № 10 «Нашего Голоса», что «уйти никогда не поздно». Мы еще будем иметь случай показать, на какой почве (можно жить в пределах Российской державы и быть в большей степени оторванным от родной действительности, чем на берегах Сены или Женевского озера!) могли вырасти «всероссийские иллюзии» организационного строительства через посредство военно-промышленных комитетов. Но и т. Наду должно бы быть известно,—и лучше всего это показала эпопея мильеранизма во Франции, во время которой тоже большую роль играл аргумент: «уйти никогда не поздно»—какую сумму взаимного непонимания, взаимной вражды, оставляет за собою такое временное «вхождение», какую деморализацию вносит оно в рабочее движение. Для таких экспериментов не должно быть места и в «органическую» эпохи, и еще менее места в такую критическую эпоху, как наша, когда каждая «ошибочка» увеличивает и без того невыносимые тягости, обрушившиеся на пролетариат.

Конечно, раз влезешь в болото, все же лучше вылезть из него, хоть с запозданием. И если русские окисты не хотят себя бесповоротно скомпрометировать, если им не только на словах, но и на деле, дорого единство рабочего движения, если слова «международные пролетарские обязанности» для них не только кимвал бряцающий, медь звенящая,—пусть они немедленно выходят из военно-промышленных комитетов. Только в таком случае мы избежим глубокого раскола в нашем движении, раскола, в сравнении с которым все наши старые расколы являются только мелкими расхождениями. Ибо российский пролетариат не сможет не сказать Гвоздевым, протя-

гивающим свои загрязненные руки к его старому знамени, обагренному кровью в борьбе за свое, а не чужое дело: руки прочь! Оно принадлежит тем, которые и в эту тяжкую годину остались верны старым заветам, которые не понесут его на торжище, чтобы, под его прикрытием, выторговать и для себя хоть «что-нибудь», которые ради жалких подачек, не откажутся от своего первородства в деле освобождения человечества от ужасов взаимной резни.

Февраль 1916.

Биржевые волки и доверчивые марксисты.

Каждый новый заем в целях «организации победы» дает повод буржуазным борзописцам доказывать, что в этом патриотическом жертвоприношении участвуют не только богачи, но и «бедняки», не только крупные финансовые и промышленные акулы, но и малые рыбешки, в мирное время обыкновенно служащие объектом различных биржевых, повышательных, понижательных, раздувательных и просто надувательских операций. Наемные и добровольные барды финансового капитала выстраивают на столбцах газет длинные шеренги маленьких займодавцев и, в экстазе патриотического восторга, утверждают, что война носит вполне «народный» или «отечественный» характер.

Попутно достигается и другая цель. Кто, при виде этих многочисленных батальонов, мелких государственных кредиторов, осмелится еще доказывать, что проценты по этим займам идут исключительно в карманы богачей, когда статистика «неопровержимо» доказывает, что эти займы в значительной своей части составляются из взносов мелких подписчиков, что «народ», таким образом, не довольствуется тем, что приносит на алтарь «защиты отечества» обязательные жертвы кровью и достоянием, но, кроме того, и «добровольно» отдает все свои сбережения, что сама «справедливость» требует поэтому, чтобы государство не расхолаживало этого патриотического одушевления, зачисляя такое помещение денег в разряд подлежащих усиленному обложению прибыльных операций.

Для всякого социал-демократа, даже «переучившегося», ясна политическая подоплека этих песен буржуазных сирен. Даже немецкие социал-патриоты не поддались на эту удочку. Они, конечно, знают, что при тех условиях, на которых теперь допускаются займы, что при той колоссальной патриотической рекламе, которую с таким неподражаемым мастерством инсценировал бывший банковых дел ма-

стер, Гельферих, не только деревенские кулаки, не только частные служащие, не только мелкие хозяйчики, но и кое-какие квалифицированные рабочие не устоят против соблазна приобрести в разсрочку пяти- или шести-процентную бумагу, они знают, что количество этих подписчиков возросло, но старая, даже значительно выдохшаяся, марксистская выучка гарантирует их от повторения таких буржуазных сказок, как лживое утверждение, что *значительные части* этих займов составляются именно из средств этих мелких подписчиков. Надо отдать справедливость всей патриотической немецкой и австрийской прессе: именно потому, что она знала, каких огромных материальных жертв требует от народных масс эта ужасная война, она не принимала никакого участия в «лансировании» этих займов и, не отрицая факта увеличения *числа* подписчиков, прекрасно отдавала себе отчет, из каких слоев рекрутируются новые подписчики. И ни на минуту не обманывала себя на счет того, какую *незначительную часть* составляют деньги, внесенные этими подписчиками в общей массе займов.

Только в русской социал-демократии, которая искони рождает «собственных Невтонов», уверенных, что в экономической науке, как и в области «тактики», достаточно своих собственных пяти пальцев, чтобы каждый день «высасывать» новую теорию, нашелся писатель, поверивший буржуазной рекламе.

Этим «новым Невтоном» является небезызвестный член З. С. О. К. тов. Астров. В статье «Признаки времени» (Изв. З. С. О. К. № 3) мы читаем:

«При помощи социал-демократии, принявшей войну, буржуазный порядок, с трудом, но выпрямился от судороги, сведшей весь современный экономический организм, при возникновении мирового пожара. Буржуазное общество не рухнуло, но только после того, как каждый Бетман-Гольвег получил своего Шейдемана. А в дальнейшем политика «гражданского мира» дала отечественным правительствам средство продолжать войну в самом материальном смысле этого слова. Внутренние займы, на которые и ведется война, всюду, в значительной своей части, составленные из взносов мелких подписчиков, могли иметь успех, в значительной мере, благодаря преступному отречению социал-демократии от самой себя».

Обратимся к цифрам. Мы берем данные о третьем немецком займе. Всех подписчиков было 3.966.418. Армия, поистине, гран-

диозная. Ведь подписка была организована в самых глухих деревушках и даже в траншеях. Допустим, что вся подписная сумма поступит целиком, допустим, что именно мелкие подписчики окажутся наиболее аккуратными взносчиками. Как же велика та часть общей суммы, которая падает на мелкоту, как значительны те средства на ведение войны, которые правительство может получить от этой категории подписчиков?

Т. Астров согласится, вероятно, что среди слоев, на которые оказывает влияние с.-д., люди, которые могут подписаться на 600—1.000 марок, не часто встречаются. И вот, если мы выделяем подписчиков на суммы до 500 марок, то оказывается, что 1.842.617 лиц или 45,8 всего числа подписалось на 498 миллионов или 4,4% всей суммы, т.-е. одну двадцать пятую часть.

Для всякого марксиста, имевшего дело с данными подоходной статистики, этот вывод так же мало является сюрпризом, как и то обстоятельство, что какие-нибудь 1.362 подписчика, т.-е. 0,03 всего числа, в состоянии были «пожертвовать» на спасение своей родины от «разгрома» кругленькую сумму в 2,425 миллиардов или 20 проц. всей подписанной суммы или что 6,3 проц. этих бескорыстных патриотов внесли действительно значительную часть в 8,262 миллиарда или 68,4 проц. всей положенной на алтарь отечества суммы.

Война не только сглаживает, вопреки всем иллюзиям, «единственцев» или «переученцев», процесс дифференциации капиталистического общества, но еще более усиливает его и обостряет. И те тенденции, которые выявляются с такой яркостью в таблицах подоходной статистики, выступают еще ярче в данных о распределении сумм государственных займов между различными участниками «священного единения».

Сам «бог» капиталистического общества спасает рабочий класс от необходимости «давать отечественным правительствам, средства продолжать войну в самом империалистическом смысле этого слова». На эти гроши, не в укор будь сказано т. Астрову, войны вести нельзя. Трагедия переживаемых нами событий и состоит в том, что социал-демократия, не довольствуясь тем, что пролетариат и без того осужден на непомерные жертвы всем механизмом классового общества и государства, старается принести в жертву молоху империализма и честь пролетариата, не только его «тело», но и «душу».

Правда, нашим Хвостовым «теория» тов. Астрова открывает бле-

стящие перспективы. Гвоздевыми они уже обзавелись—даже пряничка не пообещавши,—и с помощью рабочих групп в военно-промышленных комитетах, этого истинно-русского представительства рабочего класса,—они «благодаря преступному отречению с.-д. от самой себя», как сказал бы т. Астров, если бы речь шла о Шейдемане—могут уповать на то, что «будущий внутренний заем в значительной своей части составится из взносов мелких подписчиков»—тех русских «рабочих», которые, в благодатных условиях российской действительности десятками тысяч составляют себе маленький капиталец для помещения его в выгодные государственные бумаги!

В заключение маленькое предостережение т. Астрову: если «внутренние займы, на которые и ведется война, в значительной своей части», составляются, вопреки Вашему утверждению, из взносов неиногочисленных, но к р у п н ы х подписчиков, то отсюда было бы, по меньшей мере рискованно заключать, будто именно Круппы и Дитмары, Тиссены и Рябушинские дают «отечественным правительствам средства продолжать войну в самом материальном смысле этого слова».

Февраль 1916.

Вальян и Маркс.

Вместе с Лафаргом прошедший чрез школу Прудона, Вальян точно так же, как и первый, отвергает после легализм и мютюэлизм автора «Философии Нищеты», чтобы стать последовательным коммунистом и революционером. Но в то время, как Лафарг переезжает (в 1866) в Лондон, под личным влиянием Маркса быстро проходит те фазы умственной эволюции, чрез которые прошел и Маркс, претворив и переработав прудонизм и реальный гуманизм Фейербаха, в то время, как Лафарг уже с 1866 г., как член генерального совета Интернационала, попадает в самую гущу международного рабочего движения, Вальян, наоборот, проводит всю вторую половину шестидесятых годов в Германии, изучает там естественные науки и философию, вступает в близкие сношения с Фейербахом, чтобы, только после близкого контакта с немецким и австрийским рабочим движением, сделать дальнейшие выводы из системы Фейербаха, выводы, которые Маркс и Энгельс сделали еще за 25 лет пред этим. Так, 25 декабря 1869 г. Вальян писал Фейербаху [1]), спеша поделиться с ним впечатлениями, вынесенными из последнего пребывания на родине:

«Я возвращаюсь из Франции, где имел возможность убедиться, что все мои надежды готовы осуществиться, что революция близка и что если она еще не вспыхнула, то только потому, что цель ее более великая, чем когда-либо, требует большей подготовки и согласованности в действиях, чем когда-либо... Рабочий класс находится теперь по отношению к буржуазии в таком же положении, в каком она сама в 1789 г. находилась по отношению к дворянству и духовенству. Завоевав равенство, низший общественный слой,

[1]) Во втором томе переписки Фейербаха имеются и другие письма Вальяна. Самое раннее из них относится к маю 1864 г.

современный пролетариат, создаст раз навсегда республику. Вы показали ему пример. Вы низвергли богов христианства и теизма; пролетариат следует за Вами и разрушает последнее воплощение зла: бога—Капитал. Кроме того, я надеюсь, что эта революция, столь же радикально политическая, сколько и социальная, не встретит вражды соседних народов, а напротив революционное соревнование, которого до сих пор не хватало и отсутствие которого, изолируя французской секции Интернационалаи только незадолго до войны вспыхнет во Франции революция, республика обеспечена в Италии, Испании, Бельгии. Я питаю большие надежды на движение в Германии: мне кажется, что с тех пор, как Вы начали свою проповедь, Ваши мысли должны были проникнуть в массы и научить их, что пора освободиться от символов и обратиться к действительности».

В июне 1870 г. Вальян присутствует в Штутгарте на конгрессе эйзенахцев и приветствует их от имени французских социалистов. Объявление франко-прусской войны захватило его в Тюбингене. Сначала он думал остаться в этом городе, но шовинистическое настроение тамошних университетских кругов заставляет его уехать в Швейцарию, а оттуда в Париж. Сейчас же после провозглашения республики, он, вместе с членами парижской секции Интернационала, выпускает прокламацию к немецкому народу, написанную в духе якобинских традиций 1792 г. и, вместе с Бланки, принимает самое деятельное участие в попытках заменить трусливое и блудливое правительство национальной обороны более надежным революционным и становится, после неудачи этих попыток, одним из наиболее решительных членов Коммуны [1]). Ему удалось спастись от преследований версальцев, и уже в июле 1871 г. мы находим его опять в Лондоне, где вместе с другими бланкистами он становится немедленно членом генерального совета Интернационала.

Свои мотивы Вальян объясняет нам в одном документе, изданном после Гаагского конгресса. Вспомним, что, во время Второй империи, бланкисты относились очень отрицательно к деятельности французское движение, лишило его успеха. В тот же день когда

[1]) Собственно к краткому периоду между 4 сентября 1870 г. и началом марта 1871 г. относится его совместная работа с Бланки. Как известно, последнему не пришлось принимать участия в Коммуне, а когда Вальян вернулся после амнистии 1880 г., Бланки уже доживал последние дни: он умер 1 января 1881 г.

начали сближаться с интернационалистами. Больше всего привлекала их решительная и последовательная тактика генерального совета в 1870—71 г г.

«С самого начала войны 1870 г., генеральный совет нападал на политику грабежа и завоеваний, для которой вооружалась Пруссия и указывал на опасность установления на развалинах бонапартистской империи не менее гнусной, но более молодой, империи, поддерживаемой менее истаскавшейся буржуазией, лучше вооруженной против революции и представляющей самое крупное препятствие на пути к последней: Прусской империи».

«В то время, когда социальная революция была разбита в Париже, в то время, когда парижская Коммуна пала под ударами свирепой буржуазии, которая хотела отомстить представителям пролетарского дела столь же кровавыми, сколько и безумными репрессиями за весь тот страх, который она испытала при виде опасности, грозившей ее социальным привиллегиям—генеральный совет опубликовал свой манифест о гражданской войне, в котором, заявляя от имени Интернационала свою солидарность со всеми актами Коммуны, он объяснял, с самой возвышенной точки зрения, смысл и величие революции 18-го марта».

Так судил француз и горячий патриот Вальян о деятельности генерального совета во время франко-прусской войны, а всякие Ласкины всех наций и языков хотят нас уверить, что Маркс того времени был «пангерманистом» и немецким шовинистом!

Наоборот, ни в ком не нашел «пангерманист» Маркс такого верного союзника в борьбе с «романско-славянским» анархизмом, в борьбе с Гильомом и Бакуниным, как именно в Вальяне. На лондонской конференции (16—23 сентября 1871 г.) именно бланкисты—в особенности Вальян—являются главными застрельщиками при проведении той резолюции, в которой старый Интернационал впервые формулировал не только необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, но и конституироваться в особую политическую партию с целью добиться торжества социальной революции.

На Гаагском конгрессе (2—7 сентября 1872 г.), на котором произошел решительный бой с бакунистами, кончившийся исключением Гильома и Бакунина, именно Вальян энергичнее всего отстаивал те предложения, в которых, по словам бакунистов, особенно ярко выразился обуревавший Маркса дух «бисмаркизма» и «пангерма-

низма». Предложение внести резолюцию, принятую на лондонской конференции, резолюцию, которая именно довела до последней степени крайности борьбу между Марксом и Бакуниным, в устав Интернационала—это предложение было обосновано Вальяном. Оно гласит:

«В своей борьбе против коллективной власти имущих классов пролетариат может действовать, как класс, только конституировавшись в свою очередь, как обособленная политическая партия, принципиально противоположная всем старым партиям, которые были образованы имущими классами.

«Это конституирование пролетариата в политическую партию необходимо для того, чтобы обеспечить торжество социальной революции и ее конечной цели: уничтожение классов.

«Объединение рабочих сил, уже достигнутое путем экономической борьбы, должно послужить в руках рабочего класса рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Так как владельцы земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями, чтобы защищать и увековечить свои экономические монополии и порабощать труд, то завоевание политической власти превращается в главную обязанность пролетариата».

Это предложение принято было 29 голосами против 5 при 8 воздержавшихся. После присоединили свои подписи и некоторые (6) из делегатов, которые были заняты в комиссиях и не могли принимать участия в голосовании—в том числе Маркс.

И из этих 35, при 11 немцах, на долю французов приходится 16 голосов, и среди них такие «пангерманисты», как Dereure, Лафарг, Лонге, Cournet, Ранвье и сам Вальян.

II.

Но на том же Гаагском конгрессе между Вальяном с одной стороны, Марксом и Энгельсом с другой, вспыхнул конфликт по совсем иному поводу. В силу целого ряда соображений, на которых мы теперь не будем останавливаться, Энгельс внес предложение перенести генеральный совет в Нью-Йорк, и это предложение прошло, несмотря на энергичный протест Вальяна и его ближайших товарищей. Теперь вопрос о том, кто был прав, имеет только исторический интерес. Во всяком случае, перевод генерального совета в Нью-Йорк, в страну, которая находилась вне арены наиболее развитого рабочего движения, означал более или менее близкую смерть

Интернационала. Действительно, через четыре года последний и официально прекратил свое существование.

Вальян и его товарищи протестовали против этого решения в особой брошюре «Интернационал и революция», которую мы выше уже цитировали. Но они не ограничились одним лишь протестом: они заявили также о своем выходе из Интернационала и, таким образом, в той борьбе, в которой проходят последние годы существования Интернационала в Европе, и в которой они—в течение 1870—1872 г.—стояли на стороне Маркса, они не принимали больше никакого участия, стараясь создать новую, именно национальную организацию, Commune Revolutionnaire, которая должна была действовать во Франции, этой, как они выражаются в том же документе, стране par excellence вооруженной революции.

Но, разойдясь с Марксом политически, Вальян нисколько не изменил своих личных отношений к тому, кого Гильом и теперь еще, стараясь использовать благоприятную политическую конъюнктуру, бражает, как агента Бисмарка,—рецепт, прекрасно усвоенный и русскими подражателями «старца с Юрской горы».

Лучше всего свидетельствует об этом следующее письмо Вальяна к Марксу, до сих пор не опубликованное. Оно писано 10 октября 1872 года.

«Дорогой гражданин! Я настолько опоздал со своим ответом, что даже не знаю, как мне извиниться, хотя я неповинен ни в индиферентности, ни в халатности. Я до такой степени был поглощен личными делами, что, со времени моего возвращения, не мог найти ни одной свободной минуты. Все это усложнилось переездом на новую квартиру и новым устройством, до сих пор еще не законченным, так что я и теперь еще не знаю, когда смогу зайти к Вам. В ожидании я горячо благодарю Вас за присылку первого выпуска Вашего труда и сожалею, что не мог этого сделать сейчас же устно.

Но что мне в особенности хочется Вам высказать, так это то, что я не хотел бы, чтобы Вы думали, что события на Гаагском конгрессе оставили малейший след в моей душе с точки зрения личной. Что бы не случилось, я никогда не забуду ни Вашего благожелательства, ни благожелательства Вашей семьи по отношению ко мне и прошу Вас быть уверенным в уважении и искренней привязанности совершенно Вам преданного.

Эд. Вальяна.

Передайте мой горячий привет Вашей жене и дочерям. Сердечно жму руку Лонге».

Отношения эти и позже продолжали быть хорошими. Оставаясь формально в Commune revolutionnaire, Вальян все больше втягивался в круг влияния идей марксизма. Вот почему Энгельс, подвергая всесторонней критике выпущенное блакистами в 1874 г. воззвание, прибавляет:

«Это—первый манифест, в котором французские рабочие присоединяются к учениям современного немецкого коммунизма. И к тому же еще рабочие, которые считают французов избранным народом революции, а Париж революционным Иерусалимом. Эта заслуга принадлежит бесспорно Вальяну, одному из авторов этого воззвания и, как известно, основательному знатоку немецкаго языка и немецкой социалистической литературы».

Вальян и дальше продолжал эволюционировать в сторону марксизма, но, и до конца дней своих, он оставался верен старому убеждению, что Франция—избранная страна революции. И когда безжалостная история поставила опять на карту существование его отечества, старый революционер пошел, как ему казалось, по следам своего любимого учителя, великого «узника». Но история не повторяется. Если борьба, которую Бланки вел под лозунгом «отечество в опасности», могла еще питаться иллюзиями Великой французской революции, если убеждение, что, не будь французская буржуазия до такой степени трусливой и подлой, Франция могла бы так же, как в 1792 г., прогнать les cohortes etrangères, дало французскому пролетариату возможность возместить недостаточную организованность силой революционной страсти, классовой ненависти к Тьерам и Трошю, то новая борьба под тем же лозунгом велась и ведется в совершенно другой исторической обстановке, поглощая все силы и затрачивая всю энергию, накопленную французским пролетариатом со времени Коммуны. Великая «прекрасная Франция», которая в конце 18 столетия с Вандеей в тылу, с «гражданской войной» между буржуазией и феодальной аристократией внутри страны, справилась почти со всей Европой, теперь, несмотря на «union sacrée», едва справляется с делом обороны. И тот самый Вальян, который служил для второго Интернационала живым олицетворением революционной Коммуны, который на Амстердамском конгрессе заявил, в полемике с Жоресом, что он никогда не откажется от клас-

совой борьбы, чтобы соединиться с буржуазией, теперь со всей энергией отчаяния зовет на помощь товарищей по Интернационалу, с которыми он хотел перестроить мир, и, не находя «отклика», разражается проклятиями по адресу тех, что не спешат выручать страну, подарившую миру Коммуну.

«Как мало нужно иметь критического отношения к Коммуне— писал Энгельс по поводу бланкистской программы—чтобы канонизировать ее, чтобы об'явить ее непогрешимой, чтобы утверждать, что каждый дом, который был сожжен, каждый заложник, который был расстрелян, заслужил вполне свою участь?»

Так Вальян хотел и в 1915 г., чтобы его товарищи по Интернационалу канонизировали его отечество, забывая, что время избранных народов прошло безвозвратно, забывая, что необходимой предпосылкой union sacrée между пролетариатами всех стран является «священная война» внутри каждой отдельной страны..., забывая что национальный лозунг «мир своим дворцам» и война чужим является только карикатурой на боевой клич великой Французской революции: война всем дворцам и мир всем хижинам.

Январь 1916.

Борьба за свободу речи и против рабства.

(22 мая 1856—22 мая 1916).

(Посвящается К. Либкнехту).

«История неоднократно учила нас—говорит Маркс—что отжившие общественные силы, номинально сохраняющие все атрибуты власти, хотя основа их существования давно уже обветшала, продолжают прозябать, и в то время, как среди наследников уже начинается спор из-за грядущего наследства, почти накануне смерти и вскрытия завещания, они внезапно напрягают всю свою энергию, из обороны переходят в нападение, не увиливают от боя, а, наоборот, выступают самым вызывающим образом и делают самые крайние выводы из посылок, которые не только уже вызывают сомнения, но и безповоротно осуждены».

Мы встречаем это явление в истории борьбы аристократии за ее наследственные привилегии, в истории борьбы церкви за господство над умами, мы встречаем его также в истории борьбы американских рабовладельцев за их право свободно эксплуатировать труд черных рабов.

В течение первых лет существования новой американской республики вопрос о рабстве не играл решающей роли. На первом плане стояло освобождение от метрополии и укрепление завоеванной независимости. Сохранение единства Штатов казалось слишком драгоценным благом, чтобы ставить его на карту ради горсти негров-рабов. Отцы республики удовольствовались тем, что запретили рабство во всех территориях (т.-е. колониях, население которых не достигло еще уровня, необходимого для превращения их в полноправные штаты) к северо-западу от Огайо. К тому же число рабов и в тех штатах,

надеяться, что эта аномалия в новой республике, только что провозгласившей права человека и гражданина, в непродолжительном времени сама собою исчезнет.

Рассчет оказался ошибочным. Уже очень скоро вопрос о рабстве выдвинулся в первую голову. Быстрое развитие крупной промышленности в Англии изменило в корне положение дел. Революция в хлопчатобумажной промышленности повлекла за собою с необходимостью расширение производства хлопка, а рост вывоза последнего превратил рабство в богатейший источник прибыли. Изобретение Cottongin'a (хлопкоочистительной машины) создало условия для превращения ремесленного, карликового производства хлопка в огромные промышленные плантации, производившие нужный для крупной промышленности сырой материал в колоссальных размерах. Только теперь число рабов начало расти с каждым годом все сильнее, и ввоз негров превратился в важную отрасль внешней торговли. Некоторые штаты, чтобы удовлетворить растущий спрос на рабочие силы, занялись так же систематически рабоводством, как они прежде занимались разведением другого живого инвентаря для нужд сельской промышленности. Рабство начало распространяться и на прежде недоступные ему территории, и южные штаты добились, наконец, в 1820 г. путем, так называемого миссурийского компромисса, перенесения географических границ рабства дальше на север. С 1828 г. центральное правительство почти непрерывно находится в руках демократов, т. е. защищающей рабство партии.

Под влиянием июльской революции в Соединенных Штатах развивается, однако, движение аболиционистское, которое, под предводительством В. Л. Гаррисона, стремится к полной отмене рабства. Но, несмотря на все страстные инвективы, которыми аболиционисты осыпали этот позор, это клеймо, пятнающее звездное знамя свободной республики, они политически оставались бессильными. Движение оставалось по существу этическим, и серьезной политической борьбы они также избегли, как они боялись союза с молодым американским рабочим движением, которое тоже начало развиваться после июльской революции в северных штатах. Наоборот, преувеличения аболиционистов, которые в уничтожении черного рабства видели панацею и ничего не имели против белого наемного рабства, вызывали реакцию среди рабочих, которые, наряду с отменой рабства негров, выставляли лозунг отмены рабства во всех его видах и,

в лице некоторых своих представителей, впадали в другую крайность.

Рабовладельческие штаты становились в своих домогательствах все более и более агрессивными. Непрерывное расширение территории и столь же непрерывное распространение рабства превратилось для них в вопрос жизни и смерти. А за аргументами и красивыми словечками, чтобы нарядить голые интересы рабовладельцев в защитное платье «демократической» и «свободолюбивой» идеологии, демократам лазить в карман не приходилось. Разве Северная Америка не представляет единственную страну в мире—это было еще в 1848 г.—в которой белая раса пользуется всеми благами свободы? Разве это рабство негров является краеугольным камнем всего благосостояния Соединенных Штатов, самой «прочной и обеспеченной основой демократии во всем мире»?

Поэтому, расширение и укрепление этой основы являлось главнейшей задачей американских демократов. Цель эта могла быть достигнута в первую очередь путем завоевания и аннексии чужих территорий. Создана была нарочито самобытная, американская теория, чтобы превратить стремления южных штатов к экспансии в национальную задачу великой американской республики. Панамериканская программа, распространение цивилизации в варварских государствах Центральной Америки, превращение Великого океана в американскую домену—в этом заключалась историческая миссия, «manifest destiny» молодой американской нации. Во имя этой программы аннексировали Техас, во имя этой программы явно и тайно поддерживали разбойнические набеги американских флибустьеров против центрально-американских государств, во имя этой же программы аннексия Кубы провозглашена была насущнейшим вопросом и, во время Крымской войны, сделана была попытка использовать затруднительное положение Англии и Франции, чтобы захватить этот лакомый кусок.

Но ту же самую цель преследовали еще другим путем, а именно путем превращения территорий в рабовладельческие штаты. Прикрываясь демократическими аргументами, в роде «самодержавие народа», «право народа на самоопределение», рабовладельцы, во имя сохранения единства республики, «священного единения» и «патриотизма»—что вызвало негодующие слова Эмерсона против этих фарисеев, для которых достаточно окрестить грабеж и воровство «единением» и «патриотизмом», чтобы оправдать их—выдвинули целый ряд мероприятий, ставивших себе целью уничтожение всех законо-

дательных и географических препятствий для расширения рабства. В 1850 г. демократическое правительство провело закон о выдаче беглых рабов, превративший даже свободные Северные Штаты в свободную арену для возмутительных подвигов и зверств, учинявшихся охотниками на беглых рабов. Всяческими средствами демократы проваливали предложения обеспечить в новых территориях за свободными поселенцами право получить безвозмездно определенную площадь невозделанной земли и в то же время преграждали этим поселенцам доступ в эти территории. В 1854 г. демократам удалось провести закон (так наз. Канзас-Небраскский билль), который отменил все географические ограничения, установленные еще миссурийским компромиссом. Для ведения рабства в территории достаточно было «суверенного» решения большинства переселенцев.

Увеличение числа рабовладельческих штатов становится теперь главной целью демократов, так как только этим путем они могли удержать в своих руках политическую власть. В то время, как в палате депутатов они только с большим трудом могли сохранить за собой большинство,—число депутатов определялось в зависимости от населенности отдельных штатов, а население рабовладельческих штатов неуклонно шло на убыль—в сенате, наоборот, они господствовали невозбранно и могли увеличивать свое большинство вместе с увеличением числа штатов, посылавших в сенат двух представителей, независимо от числа населения. Этим об'ясняется, почему во всех новых территориях, стоявших на пути превращения в полноправные штаты, происходила такая ожесточенная борьба между демократами и свободными поселенцами.

Зимою 1855—56 гг. ареной этой борьбы явилась территория Канзас. С помощью центрального правительства в Вашингтоне местные власти и соседние рабовладельческие штаты организовали бесчисленные банды т. н. Border Ruffians (пограничной сволочи), которые всеми средствами старались не пропускать в Канзас свободных поселенцев, а уже пробравшихся старались выжить оттуда. Устраивались погромы, поджигали фермы, и когда поселенцы организовали самооборону, началась настоящая гражданская война с правильными сражениями, осадой и разрушением городских поселков. В Северных Штатах аболиционисты организовали союзы, чтобы помогать канзасским поселенцам деньгами, оружием и людьми. Тогда именно впервые выдвинулся Джон Броун, неукротимый противник

рабства и защитник интересов свободных поселенцев. В «истекшем кровью Канзасе» разыгрывался пролог будущей великой гражданской войны.

Именно эти события дали повод сенатору Чарльзу Семнеру выступить 19 и 20 мая в сенате с речью о «преступлении против Канзаса». Оратор принадлежал к крайнему левому крылу американских вигов, которые больше боролись против дальнейшего распространения рабства, чем за его окончательное уничтожение. Придерживаясь строго рамок парламентской оппозиции, оставаясь на почве конституции—а рабство было «законным» институтом — левые виги были бессильны в борьбе с демократами, которые самым беззастенчивым образом использовали находившийся в их руках правительственный аппарат, сравнительно легко мирилась с оппозицией, пока она соблюдала все «парламентские приличия» и говорила на обычном жаргоне различных условностей.

Семнер первый изменил эту тактику. Уже своей страстной оппозицией против закона о беглых рабах он возбудил против себя ненависть демократов. Теперь он решил пойти еще дальше. В твердыне рабовладельцев, в сенате, где потомки старой аристократической эмиграции изображали из себя, на манер английских лордов, хранителей «белой» цивилизации, Семнер выступил против рабовладельцев со страшным обвинительным актом, в котором он собрал в одно целое все их преступления, чтобы бросить их им в лицо. Все, что постарались, во имя приличий, затушевать или скрыть, он теперь, пред лицом всего американского народа, пред лицом всего человечества, разоблачил самым безпощадным образом, называя все вещи их настоящими именами. «Обман, надувательство,—сказал он,—вот настоящее имя для того соединения гнусности и подлости, которое носит название Канзас-Небраскского билля. То, что проектировалось, как обман, проводится в жизнь, как преступление. Чтобы сохранить за собой добычу, вор, захваченный на месте преступления, превращается в убийцу. Этот обман, возведенный в преступление, является законным плодом того непотребства, которое вы называете рабством (harlot slavery»).

Сорвав бесжалостно маску с лицемеров и насильников, заклеймив самым „грубым“ и резким, не принятым ни в каких салонах, именем то учреждение, во имя интересов которого так распинались сенаторы, он дополнил свою филиппику саркастическим изображением

сенатора Бутлера, лидера южных рабовладельцев и Дугласа, лидера северных демократов и духовного отца Канзас-Небраскского билля, как Дон-Кихота и Санчо-Панчо этой «harlot slavery».

Противники Сеннера могли ответить ему только бессильными ругательствами. В речи Дугласа слышна была глухая угроза. В самом сенате против оратора нельзя было ничего сделать. Но мститель за оскорбленное достоинство «непотребного рабства» скоро нашелся.

Несмотря на предупреждения друзей, Сеннер, сильный и мужественный человек, не принял никаких мер предосторожности, 22 мая 1856 г. он явился в сенат и, по обыкновению, усердно работал за своим столом. Как раз в это время к нему сзади подкрался один человек—это был депутат Южной Каролины, Престон Брукс—и нанес ему толстой резиной страшный удар по голове. У Сеннера хватило силы подняться, но, ущемленный между стулом и письменным пультом, он не в состоянии был защищаться. А напавший на него негодяй продолжал осыпать его ударами по лицу и голове, пока Сеннер, обливаясь кровью, не свалился на пол. В то время, как рыцарь «непотребного рабства» вершил свое геройское дело, два других депутата стояли на страже, а целый ряд сенаторов, как Дуглас, Слайдель, Айверсон, Тумбс, спокойно смотрели, как в их присутствии избивают безоружного человека.

На другой день, 23 мая, Сьюард предложил в сенате выбрать следственную комиссию. Предложение было принято, но ни одному из партийных друзей Сеннера не удалось попасть в эту комиссию. Воздержавшись от всякой квалификации нападения, произведенного на одного из членов сената, комиссия констатировала, что только палата депутатов может наказать Брукса. Таким образом, дело перешло в другую часть конгресса. Предложение исключить гнусного «героя» было, однако, провалено, но Брукс сам заявил, что подает в отставку, чтобы дать возможность своим избирателям судить его. Неописуемый восторг, с которым рабовладельческие джентльмэны Юга встретили подвиг своего представителя, ручался за то, что Брукс будет вновь выбран. И он, действительно, не ошибся в расчете.

Сеннер, которого враги не постыдились обвинять, что его болезнь является политической комедией, вынужден был на несколько лет отказаться от всякой политической деятельности. Вполне оправиться от последствий покушения ему не удалось.

В борьбе за уничтожение рабства речь Сеннера является поворот-

ным пунктом. Покушение Брукса только еще более подчеркнуло, что сохранение единства и целости республики возможно не путем компромиссов с рабовладельческими штатами, а, наоборот, путем непримиримой борьбы с ними. Из страха пред сецессией южных штатов им уступали в вопросе о рабстве. А практика показала, что уничтожение рабства оказалось лучшим средством, чтобы справиться с этой сецессией.

Как сказал Сьюард в сенате, удары, павшие на голову Семнера, сделали для свободы территории больше, чем все речи, произнесенные в ее защиту. Уже президентские выборы показали несколько месяцев спустя, какой огромный шаг вперед сделало аболиционистское движение.

Штат, представителем которого Семнер являлся в сенате, Массачузеттс, позаботился о том, чтобы день 22 мая 1856 г. не был забыт. Он отказался от выбора нового сенатора и ждал четыре года, пока восстановленное здоровье позволило Семнеру занять его место. Эта демонстрация была красноречивым напоминанием о позорном покушении 22 мая.

«Незанятое кресло,—пишет очень умеренный историк американской демократии,—повествовало в каждой сессии сенату и стране все снова и снова о том, как сенаторы южных штатов хладнокровно смотрели и не тронулись с своих мест, когда депутат Южной Каролины предательски напал на сенатора Массачузеттса за речь против рабства, за речь, которую президент сената ни разу не прервал, и избил его, как собаку на улице, пока он, обливаясь кровью и потеряв сознание, не свалился к его ногам».

В конце 1859 г. Семнер вернулся в сенат, и первая речь, которую он произнес, была пламенная речь о «варварстве рабства». 6 ноября 1860 г. был выбран президентом республики Авраам Линкольн, называвший Семнера своим «исповедником».

Сейчас же после этого избрания южные штаты откололись. Началась великая гражданская война, и уже 1 января 1863 г. рабство было отменено в Соединенных Штатах.

Со времени «блестящей» победы рабовладельцев и гнусного покушения Брукса прошло едва семь лет, и, освященный конституцией, институт «основы свободы» отошел в область прошлого.

Май 1916.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр

Предисловие 3

1) Победа или поражение? Наше Слово №№ 37 и 38, 12 и 13 марта 1915 4

2) Русские Барбесы и французские Бонапарты. Н. Сл. № 80, 4 мая 1915 12

3) Маркс и Энгельс, как шовинисты (Новое открытие Ю. Гарденина). Н. Сл. №№ 46, 47, 51, 52, 53, 62, 64, 92, 93 и 94, 23, 24, 28, 30 и 31 марта, 11 и 14 апреля, 19, 20 и 21 мая 1915 15

4) Меринг о войне. Н. Сл. №№ 238, 239, 240 и 241, 12, 13 1¹/₄ 16 ноября 1915 51

5) К вопросу о совместных выступлениях. Н. Сл. № 408, 26 января 1916 67

6) Роль Каутского в заседании фракции 3 августа 1914 г. Н. Сл. №№ 420 и 421, 9 и 10 февраля 1916 73

7) Теория и практика Гвоздевщины. Н. Сл. №№ 426, 427 и 438, 16, 17 и 18 февраля 1916 85

8) Биржевые волки и доверчивые марксисты. Н. Сл. № 436, 27 февраля 1916 96

9) Вальян и Маркс. Н. Сл. № 398, 14 января 1916 100

10) Борьба за свободу речи и против рабства (22 мая 1856—22 мая 1916) Н. Сл. № 513, 31 мая 1916 100

Отдел Печати Московского Совета Р. и К. Д.
ПОДОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА.
Москва, Тверская, д. 66. Телефоны: 2-47-17 и 69-26.

Список изданий.

Вышли из печати следующие издания:

А-н, А. История рабочего движения в Англии, Франции и Германии. М. 1918. 8⁰. Стр. 190. 3 р. 50 к.

Бебель, А. Из моей жизни, т. III. М. 1918. 8⁰. Стр. 267. 6 р.

Белоусов, И. Т. Г. Шевченко, М. 1919. 16⁰. Стр. 62. 1 р. 60 к.

Бергман. Новиков, М. 1919. 18⁰. Стр. 63. 1 р. 60 к.

Блонский, П. Школа и рабочий класс. М. 1918. 16⁰. Стр. 31. 60 к.

Богданов и Степанов. Курс политической экономии. М. 1918. 8⁰. Стр. 350. 10 р.

Волгин. Революционный коммунист XVIII в. М. 1919. 16⁰. Стр. 83. 2 р. 75 к.

Ивлиев. Происхождение креста. М. 1919. 16⁰. Стр. 30. 60 к.

Исторический материализм. Сборник статей. М. 1918. 8⁰. Стр. 337. 12 р.

Каменев, Л. Б. История партии коммунистов в России и В. И. Ленин (речь). М. 1919. 8⁰. Стр. 54. 2 р. 50 к.

Либкнехт, П. Роберт Оуэн. М. 1918. 16⁰. Стр. 30. 60 к.

Москва в октябре. Иллюстрированный сборник заметок, воспоминаний участников движения. М. 1919. 8⁰. Стр. 200. 10 р.

Ольминский. Салтыков-Щедрин. М. 1919. 16⁰. Стр. 44. 1 р.

Р—А. Лудвиг ван-Бетховен. М. 1919. 16⁰. Стр. 28. 60 к.

Рязанов. 19-е февраля. М. 1919. 16⁰. Стр. 45. 1 р. 60 к.

Сборник памяти К. Маркса. Вып. I. М. 1918. 16⁰. Стр. 173. 1 р. 50 к.

Сборник памяти К. Маркса. Вып. II. М. 1918. 16⁰. Стр. 88. 3 р.

Серафимович. Впечатления. М. 1919. 16⁰. Стр. 96. 2 р.

Серафимович. Рассказы. М. 1919. 16⁰. Стр. 29. 60 к.

Сокол. Марк Юний Брут. М. 1919. 16⁰. Стр. 48. 1 р.

Стеклов, Ю. Степан Халтурин. М. 1919. 16⁰. Стр. 47. 1 р.

Стеклов, Ю. Карл Маркс—учитель народов. М. 1919. 16⁰. Стр. 44. 1 р.

Степанов, И. Жан-Поль Марат. М. 1919. 16⁰. Стр. 40, 1 р.

Тургенев, И. С. Бежин луг. М. 1919 16⁰. Стр. 28. 65 к.

Тургенев, И. С. Однодворец Овсянников. М. 1919. 16⁰. Стр. 24. 65 к.

Фирсов, В. Стенька Разин. М. 1919 16⁰. Стр. 46. 1 р.

Фриче, В. Э. Верхарн. М. 1919. 16⁰ Стр. 30. 60 к.

Чехов, А. П. Дом с мезонином. М. 1919. 16⁰. Стр. 27. 65 к.

Юзефович-Шпинак. Социалистическое юношеское движение за границей и в России. М. 1918. 16⁰. Стр. 56. 1 р. 25 к.

Ярославский, Е. Н. Г. Чернышевский. М. 1918. 16⁰. Стр. 30. 60 к.

Эрес. Врубель. М. 1919. 16⁰. Стр. 62. 1 р. 60 к.

Плеханов, Г. В. Русский рабочий в революционном движении.

Паушкин, М. Буржуазия и пролетариат в революциях 1830 и 1848 г.г. во Франции.

Рязанов, Д. Обуховское дело.

Рязанов, Д. Г. В. Плеханов и группа „Освобождение труда".

Стеклов, Чернышевский.

Тимирязев, К. Происхождение и развитие мира.

Степанов, И. История нашего бога.

Ежов, И. С. Указатель литературы по внешкольной культурно-просветительной работе среди детей, подростков и взрослых.

Членов. Московская охранка и ее секретные сотрудники.

Печатаются и готовятся к печати:

Каутский и др. Предшественники социализма, в трех том. Пер. И. Степанова и Базарова, вновь обработан. Степановым.

К. Маркс и **Ф. Энгельс.** Святой Макс. Пер. и вступ. статья Б. Гимельфарба.

Экштейн, Марксизм в практике Пер. Б. Гимельфарба.

Плеханов, Г. В. К развитию монистического взгляда на историю.

Тома, А. История второй Империи.

Жан Жорес. Франко-Прусская война. Перев. Стеклова.

Рязанов, Д. Карл Маркс и люди сороковых годов.

Рожков. Город и деревня.

Лассаль. Избранные сочинения. 1) Программа работников. 2) Гласный ответ. 3) К рабочему вопросу. 4) Сущность конституции.

К. Маркс и **Ф. Энгельс.** Коммунистический манифест. Пер. Плеханова. С приложениями Рязанова.

Блос. История германской революции.

Бах. Австрия в I половине XIX в.

Ренар. Республика 48 года.

Дюбрейль. Коммуна 71-го года.

Меринг. Карл Маркс.

Тревельян. Англия при Стюартах.

Уольтерс. Состояние аграрных отношений и аграрный вопрос во Франции от 1700 до 1790 г.

Сальвиоли. Капитализм в древнем мире.

Манту. Промышленный переворот в XVIII в.

Лоренц Штейн. История социального движения во Франции.

Лихтанбержке. Социализм в XVIII в.

Беер. История социализма в Англии.

Фриче, В. Социальная литература и социальное искусство XIX и XX в.в.

СБОРНИКИ:

На заре рабочего движения в Москве.

Декабрьское восстание в Москве 1905 года.

Годы реакции.

Годы войны.

Февральская революция 1917 года.

Из истории московской окружной организации.

В московских тюрьмах.

Из истории Московского Совета Р. и К. Д.

Московское областное бюро Р. К. П. И. Область.

От февраля к октябрю (1917 г.) и ряд других.

Золя. Труд.

Дизраэли. Сибилла.

Рони. Красная волна.

Моррис, В. Вести ни откуда.

Сокол. Брут.

Фриче. Э. Золя.

Лукин. Робеспьер.

Дволайцкий. Энгельс.

Новицкий. Бабеф.

Стеклов, Ю. Бакунин.

Левин, К. Пестель и Рылеев.

Орлов. Желябов.

Орлов. София Перовская.

Фриче, В. Виктор Гюго.

Култашева, Л. Мусоргский.

Забежинский. Т. Гракх.

Ярославский. Бланки.

Белдерс. Рабочий колледж.

Морелли. Кодекс природы.

Бабеф. Собрание статей.

Симон, С. Избран. произвед.

Базар. Изложение сен-симонистской доктрины.

Фурье. Новый мир.

Оуен. Избранные сочинения.

Бланки. Избранные статьи.

Луи Блан. Избранные сочинения.

Прудон. » »

Вейтлинг. » »

Буонаротти. Заговор Бабефа.

Люксембург, В. Накопление капитала.

Зомбарт. Современный капитализм.

Кенэ. Избранные сочинения.

Смит, А. » »

Рикардо, Д. » »

Сисмонди. » »

Родбертус, К. Избранные сочинения.

Малинин, К. Происхождение и развитие земли.

Лафарг. 1) Происхождение религии. 2) Миф об Адаме и Еве. 3) Миф о непорочном зачатии.

Рязанов. Международный пролетариат и война.

Масловский. Раскрепощение книги.

Шевченко, Т. Г. Кобзарь.

Ленин. Статьи и Речи 1917—1918 гг.

Тимирязев, К. А. Наука и демократия.

Щукин, А. Основы устройства сцены.

Франс, А. Восстание ангелов.

Станислав (А. Вольский). Теория и практика анархизма.

Жорес. История французской революции. Т. I и II.

Цена 10 рублей.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное издательство.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Центральный Книжный Склад Московского Совета Р. и К. Д.

Москва, Кузнецкий Мост, д. 1.

ТИПО-ЛИТ. РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА, МОСКВА.